М. Е. Кравцова
Независимый исследователь

DOI 10.69538/PV.2024.79.44.008

О Дунфан Шо (вт. пол. II—нач. I в. до н. э.) и поэтическом произведении «Ци цзянь»

«Ци цзянь» (七諫 «Семь увещеваний / порицаний») — произведение из сборника «Чу цы чжан цзюй» (楚辭章句 «"Чуские строфы" с построфными и построчными [разъяснениями]»), составленного в первом столетии эпохи (империи) Поздняя (Восточная) Хань (Хоу / Дун Хань 後 / 東漢, 25—220) книжником Ван И (王逸, точные годы жизни неизвестны) [1]. Сборник является, напомню, единственным дошедшим до нас письменным памятником, зафиксировавшим поэтическую традицию «чуские строфы» (*чуцы* 楚辭, она же *сао* 騷, «элегии»), которая зародилась в культуре регионального (районы среднего течения р. Янцзы) царства Чу (Чуго 楚國 XI в.—223 г. до н. э.) во второй половине эпохи Чжоу (周 XI—III до н. э.). Цикл состоит из 17 произведений (преимущественно поэм и циклов из серии стихов). Ван И снабдил тексты многочисленными и тщательными пояснениями (комментарии-*чжанцзюй*) и указал в предпосланных к ним предисловиях их авторство. Десять произведений он отнес к чуской поэзии периода Чжаньго (戰國 Борющиеся / Сражающиеся / Воюющие царства, 476—221 гг. до н. э.). Семь — приписал Цюй Юаню 屈原, жившему, согласно традиции, в IV—III вв. до н. э., три — Сун Юю (宋玉, III вв. до н. э.) и (или) другим чуским поэтам. Семь произведений были созданы на протяжении эпохи (империи) Ранняя (Западная) Хань (Цянь / Си Хань 前 / 西漢, 206 г. до н. э.—8 г. н. э.). Сборник замыкает цикл «Цзю сы» (九思 «Девять дум») самого Ван И.

Считается, что «Чу цы чжан цзюй» сохранился в составе редакции «Чу цы бу чжу» (楚辭補注 «"Чуские строфы" с восполняющим комментарием») Хун Син-цзу (洪興祖, 1090—1155) [2]. Судя по ней, каждому произведению (независимо от его объема) в сборнике

---

[1] Подробно о Ван И и «Чу цы чжан цзюй» говорится в статье: *Кравцова М. Е.* О собраниях чуских строф: «Чу цы чжанцзюй» Ван И (II в.) // Письменные памятники Востока. 2020. Т. 17. №. 1.

[2] Далее использовано современное издание: 楚辭補注 / [宋]洪興祖撰; 白化文等點校 ([Собрание] «Чуские строфы» с восполняющим комментарием / Сост. [сунский] Хун Син-цзу; текст выверили Бай Хуа-вэнь и др.). Пекин, 2006.

Ван И была отведена одна глава (*цзюань* 卷) [1]. Автором «Ци цзянь», занимающего гл. 13 [2], уверенно назван Дунфан Шо 東方朔, живший (по наиболее принятой версии) с 154 по 93 гг. до н. э. [3] и состоявший при дворе шестого монарха Ранней Хань, известного (от его посмертного титула) как ханьский У-ди (Хань У-ди 漢武帝, или Сяоуди 孝武帝, на троне 140—86 до н. э.).

Несмотря на популярность образа Дунфан Шо в последующей культуре Китая, «Ци цзянь» не привлекали к себе сколько-нибудь пристального внимания ни старых книжников, ни современных литературоведов и чуцыведов (специалистов в области изучения чуских строф) [4]. Включенное в полные переиздания «Чу цы чжан цзюй» [5], это собрание отсутствует в старинных и современных редакциях и изборниках чуских строф, коих насчитывается в общей сложности несколько сотен [6]. Имеется два его перевода на европей-

---

[1] Как *цзюань* обозначались книжные свитки и разделы сочинений, типологически сходные с главами.

[2] 楚辭補注. С. 235—258.

[3] Эти годы указаны в том числе в таких словарно-энциклопедических изданиях, как: 中國古代文學辭典 / 王力，王季思 主編 (Словарь древней китайской литературы / Глав. ред. Ван Ли, Ван Цзи-сы). Т. 1. Наньнин, 1985. С. 42; 中國歷史人物辭典 / 吳海林，李延沛編 (Словарь исторических деятелей Китая / Под ред. У Хай-линя, Ли Янь-пэя). Харбин, 1983. С. 53; The Indian Companion to Traditional Chinese Literature / Ed. by William H. Nienhauser. 2-nd ed. In 2 vol. Taibei, 1986. Vol. 2. P. 988.

[4] От китайского термина *чуцысюэ* (楚辭學 «изучение чуских строф»), которым обозначают специальное направление в старой китайской книжной культуре (с эпохи Поздняя Хань) и в современной гуманитарной науке, подробно см. кн.: Чуские строфы: Избранные произведения в переводах Марины Кравцовой. СПб., 2022. С. 10—12.

[5] В том числе: 王泗原. 楚辭校釋. (*Ван Сы-юань*. Чуские строфы: выверенные тексты с толкованиями). Пекин, 2017. С. 338—368; 楚辭今注 / 湯炳正，李大明，李誠，熊良智注 ([Собрание] «Чуские строфы» с новыми комментариями / Коммент. Тан Бин-чжэна, Ли Да-мина, Ли Чэна, Сюнь Лян-чжи). 2-е изд. Шанхай, 1997. С. 270—297; 楚辭全譯 /黃壽祺，梅生譯注 ([Собрание] «Чуские строфы» с полным переводом [на совр. кит. яз.] / Коммент. и пер. Хуан Шоу-ци, Мэй Шэна). 4-е изд. Гуйян, 1990. С. 205—228; 楚辭集校集釋 /崔富章, 李大明主编 («Чуские строфы»: собрание выверенных текстов с объединенными толкованиями / Глав. ред. Цуй Фу-чжан, Ли Да-мин). В 2 т. Ухань, 2003. Т. 2. С. 2358—2437; 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證 («Чуские строфы с построфными и построчными [разъяснениями]» с [дополнительными] толкованиями по фразам и аргументированными интерпретациями / Толкования по фразам и аргументированные интерпретации Хуан Лин-гэна). В 5 т. Пекин, 2007. Т. 4. С. 2231—2389.

[6] Первым «Ци цзянь» выпустил из состава чуских строф выдающийся мыслитель и ученый Чжу Си (朱熹, 1130—1200) в своей редакции «Чу цы цзи чжу (楚辭集/註 «[Собрание] "Чуские строфы" со сводным комментарием»), которая признана столь же (а то и более) авторитетной, как редакция Хун Син-цзу.

ские языки (тоже в составе полных переводов сборника Ван И) [1], но в очерках чуских строф (поэзии-*сао*) из работ по истории китайской литературы о нем умалчивается [2]. Показателен отзыв о «Ци цзянь» Давида Хаукса (David Hawkes, 1923—2009), первого переводчика «Чу цы чжан цзюй» на европейские языки: анонимное произведение кого-то из придворных литераторов ханьского У-ди, которое отличается излишней дидактичностью и откровенной вторичностью по отношению к древним и раннеханьским чуским строфам, а главное — лишено присущей тем эмоциональности и литературной изысканности [3].

На первый взгляд, «Ци цзянь» и вправду мало чем отличается по содержанию от предшествующих произведений, вторящих древним чуским строфам: «Цзю бянь» (九辯 «Девять рассуждений», гл. 8) Сун Юя [4] и раннеханьских поэм «Си ши» (惜誓 «Сожаление о клятвах», гл. 11) и «Ай ши мин» (哀時命 «Плач о выпавшей судьбе», гл. 14) [5], приписанных (Ван И) Цзя И (賈誼, ок. 201—168 гг. до н. э.) и Янь Цзи (嚴忌, II в. до н. э.), соответственно [6]. Названные произ-

---

[1] «Seven Remonstrances» в кн.: Ch'u tz'u: The Songs of the South, an Anthology of Ancient Chinese Poems by Qu Yuan and other Poets / Transl. by David Hawks. New York, 1985. P. 245—261; «Sept Critiques» в кн.: Élégies de Chu: Chu ci 楚辭. Attributées a Qu Yuan, Song Yu et autres poètes chinois de l'Antiquité IVe siècle av. J.-C.—II siècle apr. J.-C. / Trad., présentèes et annot. par Rémi Mathieu. Paris, 2004. P. 207—224.

[2] Например: *Connery C. L.* Sao, Fu, Parallel Prose, and Related Genres // The Columbia History of Chinese Literature / Ed. by Victor H. Mair. New York, P. 224—230; *Kern M.* Early Chinese Literature, beginnings through Western Han // The Cambridge History of Chinese Literature / Ed. by Kang-I Sun Chang and Stephen Owen. In 2 vols. Cambridge, 2010. Vol. 1. P. 76—86; *Luo Yuming*. A Concise History of Chinese Literature / Transl. with annot. and an introduction by Ye Yang. In 2 vol. Leiden, 2011. Vol. 1. P. 45—49.

[3] Ch'u tz'u. P. 246.

[4] 楚辭補注. С. 128—196; перевод см. в кн.: Чуские строфы. Избранные произведения. С. 309—325.

[5] 楚辭補注. С. 227—231; перевод и краткий анализ (включая проблему их авторства) см. в кн.: Чуские строфы: Избранные произведения. С. 326—343.

[6] Цзя И — видный государственный деятель, мыслитель и один из крупнейших поэтов начала Ранней Хань. Общие сведения о нем и его творчестве из отечественных изданий см. в кн.: *Кравцова М. Е.* Словарь китайских поэтов с V в. до н. э. по X в. н. э. СПб., 2019. С. 400—402. О Янь Цзи (он же Чжуан Цзи 莊忌, Чжуан Цзи Фу-цзы 莊忌夫子) известно лишь, что он служил при дворе принца Лю У (劉武, 178—144), дяди императора У-ди (*Кравцова М. Е.* Словарь китайских поэтов. С. 541), который возглавлял (168—144 до н. э.), имея титул Ляосян-ван (梁孝王, сокр. Лян-ван 梁王), удельное царство Лянго (梁國, на юго-востоке совр. пров. Хэнань), подробно о нем и о деятельности поэтов из его окружения см. в кн.: *Алимов И. А., Кравцова М. Е.* История китайской классической

ведения узнаваемо варьируют темы и мотивы творений Цюй Юаня, прежде всего поэм «Ли сао» (離騷, название переводят по разному, гл. 1) и стихотворений цикла «Цзю чжан» (九章 «Девять элегий», гл. 4) [1], и сосредоточены вслед за ними на душевных волнениях человека, не могущего найти себе достойное его талантов, знаний и нравственных устоев место в современном ему обществе, мучительно переживающего как собственное жизненное фиаско, так и несправедливость человеческого мира в целом. Принципиально важно, что в них повествуется о жизненных неудачах, страданиях и душевных муках самих авторов. В «Цзю бянь» и «Си ши» о Цюй Юане вообще не упоминается, в «Ай ши мин» он назван единожды и в качестве примера человека, решившегося на самоубийство во имя сохранения свой духовной чистоты (строки 129—132):

Цзы-сюй умер ради [своих] принципов,
Цюй Юань утонул в Мило.
Пусть погубили тело, но не изменили себе:
Их преданность и верность разве поменялись?

子胥死而成義兮屈原沈於汨羅.
雖體解其不變兮豈忠信之可化

Тогда как в «Ци цзянь» литературным героем, как мы увидим ниже, выступает чуский поэт.

Принято считать, что о жизни Цюй Юаня впервые подробно говорится в первой части гл. 84 «Цюй юань цзя шэн ле чжуань» (屈原賈生列傳 «Жизнеописания Цюй Юаня и ученого Цзя») [2] знаменитого историографического сочинения «Ши цзи» (史記 «Исторические записи», «Записки историка») Сыма Цяня (司馬遷, ок. 145—ок. 86 до н. э.) [3]. Необходимо коснуться биографии Сыма Цяня, быв-

литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза. В 2 ч. СПб., 2014. Ч. 1. С. 229—231.

[1] 楚辭補注. С. 3—47, 120—162. Сведения об их переводах на русский язык и выполненные мною варианты перевода («Обреченный на страдания» и «Девять элегий», соответственно) см. в кн.: Чуские строфы: Избранные произведения. С. 8—9, 197—233, 270—308.

[2] Вторая часть главы посвящена названному выше Цзя И.

[3] 史記 / 司馬遷撰 (Исторические записи / Сост. Сыма Цянь). В 10 т. Пекин, 1963. Т. 8. С. 1481—2504. Есть два варианта перевода этой главы на русский язык. Первый выполнен Василием Андреевичем Панасюком (1924—1990) и впервые опубликован в кн.: *Цюй Юань*. Стихи. М., 1954. С. 9—28 (переиздание: *Сыма Цянь*. Избранное / Пер. с кит. В. Панасюка; общ. ред., пред. и коммент. Л. И. Думана. М., 1956. С. 173—188); второй — Рудольфом Всеволодовичем Вяткиным (1910—1995), см. в кн.: *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи) / Пер. Р. В. Вяткина и др. В 9 т. Т. 7; М., 1996. С. 281—287. Еще имеется перевод первой части главы («Отдельное повествование о Цюй Юане») акад. Василия

шего современником Дунфан Шо, и истории создании «Ши цзи». Первоочередными источниками, как хорошо известно [1], служат авторское «Тай ши гун цзы сюй» (太史公自序 «Собственное послесловие *тайшигуна*»), входящее в «Ши цзи» (глава 130) [2], и гл. 32 «Сыма цянь ле чжуань» (司馬遷列傳 «Жизнеописание Сыма Цяня») официального историографического сочинения [3] «Хань шу» (漢書 «Книга об [эпохе / империи Ранняя] Хань») Бань Гу (班固, 32—92) [4]. Отец Сыма Цяня — Сыма Тань (司馬談, ок. 190—ок. 110 до н. э.) — занимал пост *тайшилина* [5] и задумал будущий великий труд. В 108 г. до н. э. Сыма Цянь получил назначение на тот же пост и через четыре года приступил к систематизации собранных отцом материалов. В 99 г. за публичное выступление в защиту полководца Ли Лина (李陵, ум. 74 до н. э.), заочно осужденного на казнь (за поражение от *сюнну*) [6], Сыма Цяня обвинили в намерении ввести императора в заблуждение и приговорили к кастрации. Сведения о его последних годах жизни крайне скудны. По мнению одних старых книжников и современных исследователей, он не успел завершить «Ши цзи» [7], по мнению других — закончил его еще в период прав-

---

Михайловича Алексеева (1881—1951), он неоднократно переиздавался, в том числе в кн.: *Цюй Юань* Лисао / Сост. и общ. ред. Р. В. Грищенков. СПб., 2000. С. 5—15; Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В. М. Алексеева. В 2 кн. М., 2006. Кн. 1. С. 131—137.

[1] Сведения о жизни Сыма Цяня, истории создания и дальнейшей судьбе «Ши цзи» излагаются во многих современных изданиях, в том числе в кн.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. С. 16—31; The Grand Scribe's Records / Ssu-ma Ch'ien / Ed. by William H. Nienhauser; tr. by Tsai-Fa Cheng [et.al]. Vol. 1. Taipei, 1996. P. VII—XII.

[2] 史記 / 司馬遷撰. Т. 10. С. 3285—3322; переводы: «Предисловие графа великого астролога к своей истории Китая» (В. М. Алексеев): Шедевры китайской классической прозы. Т. 1. С. 120—125; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 9. С. 313—344.

[3] Официальное историографическое сочинение — *чжэнши* (正史 «образцовая / династийная история»), создавалось по августейшему повелению. Труд Сыма Цяня, заложивший традицию *чжэнши*, формально таковым не являлся.

[4] [前]漢書 / 班固撰， 顏師古注 (Книга о [Ранней] Хань / Сост. Бань Гу, коммент. Янь Ши-гу). В 12 т. Пекин, 1964. Т. 7. С. 2707—2740.

[5] *Тайшилин* (太史令 «начальствующий над великими писцами») — руководитель придворных летописцев и астрономов (астрологов).

[6] *Сюнну* (хунну, гунны 匈奴) — кочевая народность, осевшая на Дальнем Востоке приблизительно в IV в. до н. э. и ко времени прихода к власти Ранней Хань создавшая могущественное и сильно военизированное государство. *Сюнну* постоянно нападали на территорию китайской империи, У-ди начал масштабную войну с ними в 133 г. до н. э.

[7] *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 1. С. 28.

ления под девизами правления Тай-чу (太初 104—101 до н. э.) или Тянь-хань (天漢 100—97 до н. э.) [1]. Однако в течение нескольких десятилетий текст «Ши цзи» оставался в безвестности. Один экземпляр рукописи, видимо, хранился в императорской библиотеке, но был труднодоступен для прочтения, ибо создание «Ши цзи» считали частным делом Сыма Цяня; более того, за ним сохранилась репутация человека, обвиненного в преступлениях против трона [2]. Другой экземпляр был спрятан в некоем потаенном месте. Текстуальная история памятника прослеживается с момента его случайного обнаружения Ян Юнем (楊惲, ум. 54 до н. э.), внуком Сыма Цяня. До сих пор не утихают споры по поводу возможных утрат и подлинности некоторых частей дошедшего до нас текста. Уже I в. до н. э. ряд интерполяций в него ввел Чу Шао-сунь (褚少孫, ок. 104—ок. 30 до н. э., он же Чу-сяньшэн 褚先生, наставник / учитель Чу) [3].

Содержание повествования о Цюй Юане из «Ши цзи» сводится, если очень кратко, к следующему: Цюй Юань, выходец из древнего аристократического клана Цюй, был приближенным чуского царя (*ван* 王) Хуай-вана (懷王, на троне 328—299 до н. э.), показав себя даровитым государственным деятелем и гениальным поэтом. Но Хуай-ван, поверив царедворцам-клеветникам, отлучил его от двора. Новый чуский царь — Цин-сян-ван (頃襄王, сокр. Сян-ван 襄王, на троне 298—263 до н. э.), тоже вняв наветам, отправил Цюй Юаня, по-прежнему искренне стремящегося применить свои таланты и знания на благо Отчизны, в ссылку. Отчаявшись добиться справедливости, Цюй Юань покончил с собой, бросившись в воды реки Мило (汨羅 приток р. Сянцзян 湘江, северо-восток совр. пров. Хунань).

При Поздней Хань это повествование воспринималось в качестве подлинного исторического документа, чему в немалой степени способствовали комментарии Ван И: многие эпизоды из творений Цюй Юаня категорически связываются в них с его жизнеописанием. Между тем в самих произведениях какая-либо историческая конкретика отсутствует. Они насыщены аллюзиями на легендарную древность и на «недавнее прошлое» (с начала эпохи Чжоу и приблизительно до V в. до н. э.), но сколько-нибудь очевидные намеки

---

[1] The Grand Scribe's Records. Vol.1. P. X, note 37.

[2] Ibid. P. XII.

[3] Сведения о Чу Шао-суне тоже очень скудны, см.: *Loewe M.* A Bibliographical Dictionary of the Qin, Former Han ang Xin periods (221 BC—AD 24). Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 49—50. Он был удостоен ученого звания *боши* (博士, см. далее) во времена правления Сюань-ди (宣帝, на троне 73—48 до н. э.) или Юань-ди (元帝, на троне 48—33 до н. э.), либо в начале царствования Чэн-ди (成帝, на троне 32—6 до н. э.). Возможно, некоторое время занимал должность *лана* (郎, см. далее) при дворе, но в основном вел частный образ жизни.

на события времен царствования Хуай-вана и Сян-вана отсутствуют [1]. Не оговариваются также происхождение литературного героя (принадлежность к исторически достоверным кланам Чу), возраст и официальный статус — должность, которую он занимал или хотел бы занять.

Неизвестно, какими еще источниками, помимо чуских строф, мог воспользоваться Сыма Цянь при воссоздании биографии чуского поэта. Велика вероятность, что он сотворил вымышленный портрет, как бы суммируя образы литературных героев древних *чуцы* [2]. При этом отношение Сыма Цяня к образу Цюй Юаня во многом совпадает с его величанием в «Дяо цюй юань вэнь» (弔屈原文 «Плач по Цюй Юаню», 56 строк) Цзя И — древнейшем из дошедших до нас произведений, где сказано о Цюй Юане [3]. Именно Цзя И принадлежит первая попытка создания его литературного портрета. В самом тексте «Плача» Цюй Юань назван лишь единожды: «Мельком слышал, что Цюй Юань утопился в Мило» (側聞屈原兮自湛汨羅, строки 3—4). Однако повествование насыщено иносказаниями от третьего лица: *цзы* (子 «мудрец / учитель»), *фуцзы* (夫子 «почтенный мудрец / учитель»), *шэн* (生 и *сяньшэн* 先生, «учитель»), которые единодушно принимают как указание на Цюй Юаня [4]. Но пафосно

---

[1] Подробнее см.: Чуские строфы: Избранные произведения. С. 45—47.

[2] Повышенный интерес к образу Сыма Цяня к Цюй Юаню и эмоциональность повествования о нем нередко и вполне, на мой взгляд, оправданно объясняют тем, что Сыма Цянь сравнивал жизненные коллизии чуского поэта с собственной судьбой, см., например: *Schneider L. A*. A Madman of Ch'u: The Chinese Myth of Loyalty and Dissent. Berkeley; Los-Angeles; London, 1980. P. 22—23.

[3] Текст «Плача» приведен во второй части гл. 84 «Ши цзи» (史記 / 司馬遷撰. Т. 8. С. 2492——2495), где ему предпослано предисловие Сыма Цяня: «Ученый Цзя, завершив дела, тронулся в путь; слышал, что Чанша — место гиблое, и понимал, что протянет там недолго; к тому же мысли о позорном отъезде не давали покоя. Добравшись до переправы через Сяншуй, сочинил оду, оплакивающую Цюй Юаня. Ее строфы гласили...» (賈生即辭往行，聞長沙卑湿，自以壽不得長， 又以謫去，意不自得。 及渡湘水， 為賦以弔屈原。 其辭曰). Есть три варианта перевода «Плача» на русский язык: Анны Ахматовой (1889—1966), неоднократно переиздавался (в т. ч.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 7. С. 289—290; *Цюй Юань*. Лисао. С. 12—14); В. М. Алексеева («Ода памяти Цюй Юаня», в т. ч.: Шедевры китайской классической прозы. Т. 1. С. 78—80), и Е. А. Торчинова (1956—2003) в соавторстве с Я. М. Боевой («Плач по Цюй Юаню», в т. ч.: Хрестоматия по литературе Китая / Сост. и примеч. М. Кравцовой. СПб., 2004. С. 99—101). Два последних перевода выполнены с версии, представленной в антологии «Вэнь сюань» (цз. 60) и несколько отличной от текста из «Ши цзи».

[4] 賈誼集校注 / 王洲明，徐超校注 (Собрание сочинений Цзя И: выверенный текст с комментариями / Выверка и коммент. Ван Чжоу-мин, Сюй Чао). Пекин, 1996. С. 413, примеч. 12; 全漢賦評注 / 龔克昌等評注 (Полное собрание одической поэзии [Ранней] Хань с толкованиями и комментариями / Толкования и коммент. Гун Кэ-чана и др.). Шицзячжуан, 2003. С. 9, примеч. 41.

воспевающий выдающегося человека и предельно эмоционально повествующий о его душевных терзаниях «Плач» тоже лишен какой-либо исторической конкретики: отсутствуют даже упоминания о царстве Чу и о ком-либо из местных правителей и государственных деятелей [1].

Название «Ци цзянь» также серьезно отличается от названий других чуских строф введением в него числительного «семь» (вместо «девяти»). Еще важнее, думается, употребление термина *цзянь* 諫, который, по мнению Ван И, здесь использован в качестве синонима *чжэн* (正 «правильный, выправлять») и в смысле «излагать по порядку законы и нормы для исправления ошибок государя» (謂陳法度一諫正君也). Толкование Ван И позволяет интерпретировать *цзянь* как «порицание нижестоящим вышестоящего» (*фэн цзянь* 諷諫) [2]. В классическом книжном языке *цзянь* употребляли в значениях «оспаривать», «убеждать, увещевать», «указывать на ошибки» [3] и в составе словесного клише *цзянь чжэн* (諫諍 «спорить против ошибок старшего») [4].

Последнее считают особо авторитетным, ибо его возводят [5] к высказыванию Конфуция из «Лунь юя» (論語 «Рассуждения и речения [Конфуция]», IV, 18): «Служа отцу и матери, мягко увещевай (спорь с ними), [если они не правы]» (事父母幾諫) [6]. В любом слу-

---

[1] «Чуские реалии», которые можно встретить в переводах «Плача», интерполированы переводчиками (хотя и на основании китайских комментариев). Наиболее показательным примером служат варианты переложения строк 46—47: «Прошел [бы через] девять округов, [дабы] встретить [достойного] его государя. Зачем же обязательно думать об этой столице?» (歷九州而相其君兮，何必懷此都也). В. М. Алексеев наиболее точно следует оригиналу: «Пройти б тебе все девять стран и выбрать князя по себе. // Зачем ты так облюбовал лишь это место, этот двор?». Е. А. Торчинов вставляет слова о столице царства Чу: «Обошел весь простор девяти областей, // Отчего непременно хотел оставаться ты в чуской столице!». В переложении Анны Ахматовой строфа превращается в рассказ об отношениях Цюй Юаня с правителем Чу («И все же Цюй Юань виновен в том, что медлил // Расстаться с князем Чу, от козней злых уйти, — // Покинуть бы ему любимую столицу // И, странником бродя, приют найти»).

[2] 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證. Т. 4. С. 2233.

[3] Китайско-русский словарь, составленный бывшим начальником Пекинской духовной миссии архимандритом Палладием и старшим драгоманом императорской дипломатической миссии в Пекине П. С. Поповым. В 2 т. Пекин, 1888. Т. 2. С. 288.

[4] Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И. М. Ошанина. В 4 т. М., 1983—1984. Т. 3. С. 771.

[5] 漢語大詞典 / 羅竹風主編 (Большой словарь китайского языка / Глав. ред. Ло Чжуфэн). В 13 т. Шанхай, 1986—1992. Т. 11. С. 333.

[6] 論語正義. 劉寶楠著 («Рассуждения и речения [Конфуция]» в правильном понимании / Автор [толкований] Лю Бао-нань) // 諸子集成 (Корпус философской классики). В 8 т. Пекин, 1988. Т. 1. С. 83. Я следую наиболее принятому толкова-

чае, в название «Ци цзянь» вложена идея критики монарха. В древних и раннеханьских чуских строфах обильны порицания государя и его сановников, но никто из их авторов не стал акцентировать этот мотив через его вынесение в заглавие своих произведений.

Далее. «Ци цзянь» состоит из восьми сегментов — разделов слитного текста (либо самостоятельных стихотворений), каждый из которых имеет отдельное заглавие: «Чу фан» (初放 «Начальная ссылка», 42 строки), «Шэнь цзян» (沈江 «Об утоплении в реке», 80 строк) [1], «Юань ши» (怨世 «Печальные времена», 68 строк), «Юань сы» (怨思 «Печальные мысли», 16 строк) [2], «Цзы бэй» (自悲, «Скорблю о себе», 68 строк), «Ай мин» (哀命 «Оплакиваю [свою] судьбу», 40 строк), «Мю цзянь» (謬諫 «Тщетные увещевания», 82 строки) и «Луань» (亂 «Эпилог», 16 строк). Отмечая, что Дунфан Шо создал «Ци цзянь», оплакивая Цюй Юаня, Ван И добавляет, что в тексте улавливается, как «наставляется Сын Неба семью порицающими [его] "слугами"» (法天子有爭臣七人也) [3]. Это суждение позволило принимать «Ци цзянь» как цикл, построенный по образцу «Цзю чжан» [4], и тогда он возрождает литературную практику древних циклов, вновь существенно отличаясь от поэм «Си ши» и «Ай ши мин». Примечательно, что к формату цикла вернулся Лю Сян (劉向, 77—6 до н. э.) [5]: «Цзю тань» (九歎 «Девять волнений», гл. 16) [6].

нию этого высказывания: «Служа родителям и [видя, что они не правы], убеждай их с мягкостью» (*Мартынов А. С.* Конфуцианство. «Лунь юй». В 2 т. СПб, 2001. Т. 2. С. 233); «In serving his parents, a son may remonstrate with them, but gently» (The Chinese Classics / Transl. by James Legge. In 5 vol. Taipei, 1960. Vol. I. P. 170). Альтернативное прочтение: «В обращении с матерью и отцом проявляй мягкость и уступчивость» (*Переломов Л. С.* Конфуций: «Лунь юй». Исследование, перевод с китайского, комментарий. Факсимильный текст «Лунь юя» с комментариями Чжу Си. М., 1998. С. 332).

[1] Не исключено, что имеется в виду Янцзы, так как в чуских строфах иероглиф *цзян* (江 «река») стандартно употреблялся в качестве сокращения названия этой реки (*кит.* Чанцзян 長江, Длинная река): 袁梅。 楚辭詞典 (*Юань Мэй.* Словарь чуских строф). Цзинань, 1999. С. 97.

[2] Возможно, сохранившийся фрагмент более пространного текста: Ch'u tz'u. P. 260.

[3] Считают (со старых толкований), что тут содержится намек на семерых ближайших царедворцев монарха, имевших право его наставлять, поучать и даже критиковать: 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證. Т. 4. С. 2234.

[4] 楚辭全譯 /黃壽祺. С. 205.

[5] Дальний родственник августейшего семейства империи Хань и выдающийся ученый-книжник конца Ранней Хань; из отечественных изданий подробно о его жизни и интеллектуально-творческой деятельности см. в кн.: *Алимов И. А.* Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I—VI вв. СПб., 2014. С. 94—95.

[6] 楚辭補注. С. 261—312.

Однако в старой китайской гуманитарии, включая и Хун Синцзу [1], «Ци цзянь» устойчиво принимали за текст из семи разделов, завершающийся «эпилогом», выделенным посредством словесной формулы (*луань юэ* 亂曰) [2], типичной для древних *чуцы* (в том числе в «Ли сао»). В таком литературном варианте «Ци цзянь» относят к жанровой категории высокой (рафинированной) художественной словесности (*вэнь* 文) — «ци» (七 «семь») [3]. Категория эта выделена в знаменитой антологии «Вэнь сюань» (文選 «Избранные произведения изящной словесности», «Литературный изборник»), составленной в 520-х гг. [4], через создание рубрики «Ци» (цз. 34). Категорию образуют сочинения с семичастной композиционной структурой. Известно, что за эпохи Ранняя Хань, Поздняя Хань и Лючао (六朝 Шесть государств, III—VI вв.) были созданы 17 «ци»; три представлены в «Вэнь сюань», от остальных сохранились лишь фрагменты или названия [5]. Самым ранним из них признано (открывает рубрику «Вэнь сюань») «Ци фа» (七發 «Семь побуждений») Мэй Шэна (枚乘, ум. ок 140 до н. э.), также состоявшего при дворе принца Лю У [6]. Это — пространный текст, построенный в виде диалога между наследным принцем царства Чу (Чу тай-цзы 楚太子, вымышленный персонаж) и «гостем из царства У». Здесь чередуются поэтические и прозаические (ритмизованная проза) фрагменты. «Ци фа» полагают первым произведением, переведшим древние чуские строфы в формат одической поэзии [7]. «Ци цзянь» же является собственно по-

---

[1] 楚辭補注. С. 235.

[2] 楚辭集校集釋 /崔富章. Т. 2. С. 2358—2359.

[3] Точка зрения, зафиксированная в наиболее авторитетных словарно-справочных изданиях по чуским строфам, см.: 楚辭學典通 /周建忠，湯漳平主編 (Обобщенный словарь чуцыведения / Под ред. Чжоу Цзянь-чжуна, Тан Чжан-пина). Ухань, 2003. С. 60.

[4] Общие сведения об истории создания и композиции «Вэнь сюань» из отечественных изданий см. в кн.: Духовная культура Китая: Энциклопедия / Гл. ред. М. Л. Титаренко. В 6 т. Т. 3. М., 2008. С. 255—262.

[5] 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證. Т. 4. С. 2232—2233.

[6] Общие сведения о жизни и творчестве Мэй Шэна см. в кн.: *Кравцова М. Е.* Словарь китайских поэтов. С. 239—241; *Loewe, M.* A Bibliographical Dictionary. P. 435—436. Перевод «Ци фа» на русский язык («Семь подступов», Л. Н. Меньшиков, 1926—2005) см. в кн.: Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова. СПб., С. 40—57; переводы на европейские языки: Die Chinisische Anthology / Übersetzung aus dem Wenhsuan von E. von Zach / Ed. I. M. Fang; intr. J. R. Hightower. In 2 Vol. Cambridge, 1958. Vol. 2. P. 607—617; *Frankel H. H.* The Flowering Plum and the Palace Lady: Interpretations of Chinese Poetry. New Haven; London, 1976. P. 186—203. Краткий анализ произведения (со ссылками на китайские исследования) см. в кн.: *Алимов И. А., Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы. Ч. 1. С. 227—228.

[7] *Kern M.* Early Chinese Literature, beginnings through Western Han. P. 90.

эмой, оперирующей исключительно «чуским стихом» [1]: использованием эвфонической частицы *си* 兮, преобладанием шестисловного (по шесть иероглифов в строке) поэтического размера и эпизодическим употреблением строк различной длины, что тоже допускалось в древних *чуцы*. Значит, автор «Ци цзянь» не просто упрочил семичастную композиционную схему, но и впервые реализовал ее в формате чуских строф и, шире, собственно поэтического произведения, то есть предпринял, как и Мэй Шэн, весьма смелый творческий эксперимент. Итак, независимо от того, принимаем ли мы «Ци цзянь» за цикл или «семичастную» поэму, с формальной точки зрения это — весьма оригинальное произведение, которое достойно занять приметное место в истории ханьской поэзии.

Разберем начальные 10 строк первого стихотворения (раздела) «Чу фан»:

1. Пин родился в [столичном] городе,
2. [Но] вырос в дикой глухомани.

平生於國兮長於原壄

3. В речах и беседах запинался-косноязычен,
4. Да еще не имел влиятельной поддержки [2].

言語訥譌兮又無彊輔

5. Поверхностны знания, скудные способности,
6. [Но всё, что] видел и слышал, [было] еще более убогим [3].

淺智褊能兮聞見又寡

---

[1] В современной китайской терминологии — «саоский стих» (*саотиши* 騷體詩), об его особенностях см.: Чуские строфы: Избранные произведения. С. 37.

[2] В беседах... — По комментарию Ван И (楚辭補注. С. 236), иероглиф *юй* (語, может также означать «слова», «речи», «высказывания»); здесь употреблен в смысле «отвечать друг другу» (*сян да* 相答). Запинался-косноязычен — см. далее. Не имел влиятельной поддержки... — Использовано современное толкование сочетания *цянь фу* 彊輔: «указывает на существование влиятельных единомышленников (соратников)» (強有力的輔助，指有勢力的朋黨): 楚辭全譯 /黃壽祺. С. 207, примеч. 4.

[3] Поверхностны знания — от принятого понимания сочетания *цянь чжи* 淺智 как «познания поверхностны» (*чжиши цяньбо* 知識淺薄): 楚辭今注 / 湯炳正. С. 272. Скудные способности. — Ван И истолковывает иероглиф *бянь* (褊 «узкий», «тесный», «ограниченный») в качестве синонима *ся* (狹 «узкий, незначительный» в приложении к способностям человека); в последующем книжном языке утвердилось сочетание *бяньcя* 褊狹, одно из принятых значений которого — «скудный» (Большой китайско-русский словарь. Т. 3. С. 234). Убогий — от толкования (Ван И, Хун Син-цзу) иероглиф *гуа* (寡, принятые словарные значения «вдова», «старая дева», «бобыль», «одинокий») в смысле *сяо* (小, «малый», убогий»).

7. Вот и вознамерился [своими] речами
вспомоществовать [державным] делам,
8. Чем узрел ненависть [толпящихся] у ворот [1].

數言便事兮見怨門下

9. Царь не проверил, насколько полезен [трону],
10. В результате столкнулся с тем,
что выгнали в дикую глухомань.

王不察其長利兮卒見棄乎原壄

Иероглиф *пин* (平 «ровный») в первой строке подавляющее большинство старых комментаторов (начиная от Ван И и Хун Синцзу) [2] и современных исследователей [3] понимают в качестве еще одного имени Цюй Юаня — Пин, единодушно апеллируя к начальной фразе повествования о Цюй Юане из «Ши цзи»: «Цюй Юань, имя Пин...» (屈原者，名平...). «Юань» полагают (наиболее принятая точка зрения) «официальным именем» (*цзы* 字) чуского поэта, «Пин» — его «личным именем» (*мин* 名). Но в дошедших до нас раннеханьских сочинениях чуский поэт фигурирует исключительно как «Цюй Юань». Кто же первым и почему указал имя «Пин» — Сыма Цянь или автор «Ци цзянь»? В случае его принадлежности Дунфан Шо, «Ци цзянь» было сочинены, вероятнее всего, в 116 или в 106 г. до н. э. (см. ниже), намного раньше не только завершения «Ши цзи», но и наказания Сыма Цяня, которое, повторю, могло пробудить у последнего интерес к образу чуского поэта. Безотносительно авторства «Ци цзянь» велика и вероятность создания этого памятника задолго до «Ши цзи» и знакомства Сыма Цяня с «Ци цзянь». Нельзя, конечно, полностью исключать возможность существования неких документов, где было указано второе имя Цюй Юаня и которыми самостоятельно воспользовались и Сыма Цянь, и

---

[1] [Толпящиеся] у ворот. — Ван И поясняет сочетание *мэнь ся* (門下 «внизу ворот») как метафору родни и ближайшего окружения государя, что подтверждается другими древними текстами (楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證. Т. 4. С. 2238). При переводе я тоже использовала современное толкование: «столкнуться с ненавистью мелких людишек из родни и челяди государя (遭君王親近小人的怨恨): 楚辭今注 / 湯炳正. С. 272.

[2] 楚辭補注. С. 236.

[3] 王泗原. 楚辭校釋. С. 338; 楚辭今注 / 湯炳正. С. 272, примеч. 1; 楚辭全譯 /黃壽祺. С. 207, примеч. 1; 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證…. Т. 4. С. 2235. Единственное известное мне исключение — вариант перевода Дэвид Хаукса: «I was born in the city, // But now I live in the wilds» (Ch'u tz'u. P. 246), в котором поэтическое повествование превращается в монолог литературного героя (автора «Ци цзянь») о самом себе. Однако личное местоимение первого имени в тексте отсутствует и интерполировано переводчиком без какой-либо аргументации.

автор «Ци цзянь». Но почему эти гипотетические документы остались вне поля зрения (внимания) других раннеханьских интеллектуалов (того же Цзя И)? При анализе имен Цюй Юаня, приведенных в «Ши цзи», уже давно была отмечена синонимичность слов «юань» и «пин» (в значении «равнина») [1], впервые зафиксированная в словаре «Эр я» (爾雅 «Приближение к классике / к правильному языку») [2]: «Обширная равнина называется *юань*, возвышенная равнина называется *лу*» (廣平曰原, 高平曰陸) [3]. Остается только задаться вопросом: а не вымыслил ли автор «Ци цзянь» производное от «Юань» имя «Пин», прозрачно намекая на тождественность образа своего литературного героя образу Цюй Юаня?

Сразу отмечу, что правоту толкования Ван И «Ци цзянь» как повествования от лица Цюй Юаня, либо, добавлю от себя, «поэта Пин», подтверждают заключительные строки «Чу фан», где впервые (для этого стихотворения) употреблены местоимения первого лица:

39. Равнодушно-безучастно лазурное небо
40. [Никто] не придет мне на помощь [4].

悠悠蒼天兮莫我振理

41. От потаенной обиды на государя никак не очнусь,
42. Я в одиночестве [здесь] умру, — [этим всё] и закончится.

竊怨君之不寤兮吾獨死而後已

---

[1] Подробно см., например: 游國恩. 屈原 (*Ю Го-энь*. Цюй Юань). 3-е изд. Пекин, 1954. С. 8; 姜亮夫。 楚辭學論文集 (*Цзян Лян-фу*. Сборник чуцыведческих научных статей). Шанхай, 1984. С. 2; 褚斌傑.楚辭要論 (*Чу Бинь-цзе*. Чуские строфы: рассуждения о [насущно] важном). Пекин, 2003. С. 8.

[2] «Эр я» входит в расширенный свод конфуцианских канонических книг «Ши сань цзин» (十三經 «Тринадцать канонов») и возводится традицией к началу эпохи Чжоу. По мнению современных исследователей, «Эр я» был создан вероятнее всего за период с конца эпохи Чжоу по начальное столетие Ранней Хань: Духовная культура Китая. Т. 3. С. 737.

[3] Глава 9. «Ши ди» (釋地 «Пояснение [терминов, относящихся к] земному [пространству]»): 爾雅注疏 («Приближение к классике» с комментариями и толкованиями по фразам) // 十三經注疏 (Тринадцать канонических сочинений с комментариями и толкованиями по фразам). В 2 т. Пекин, 1982. Т. 2. С. 2616.

[4] Равнодушно-безучастно... — Употребленный в тексте тафтафон *ю ю* 悠悠 Ван И истолковывает в качестве образа скорби (*ю мяо* 憂貌); толкование-парафраз всей строки: «Говорится, что [объятый] скорбными мыслями, взывает к лазурному небу» (言己憂愁思想，則呼蒼天): 楚辭補注. С. 238. В альтернативных толкованиях *ю ю* относят к небу: «образ далекого» (*юань мао* 遠貌): 王泗原. 楚辭校釋. С. 341; «образ далекого и равнодушного» (*яо юань у цюн мао* 遙遠無窮貌): 楚辭今注 / 湯炳正. С. 272, примеч. 19. Не придет мне на помощь — от толкований (там же) сочетания *чжэнь ли* 振理 как «спасать» (*цзю чжи* 救治), «выручать из беды» (*чжэн цзю* 拯救).

Вернемся к начальному четверостишию. Строки 1—2 допускают два альтернативных прочтения. Иероглиф *чан* 長 может означать как «расти», так и «стать взрослым»; *го* 國 исходно обозначал удельное владение (*бан* 邦) и (или) его административный центр (то есть город) [1], *шу* 墅 есть принятый синоним слова *е* 野, которое передает понятия, связанные с аграрной деятельностью и с захолустьем. Эта семантическая неоднозначность распространяется и на сочетание *юань е* 原野, тоже обозначающее как сельскую местность, простиравшуюся за столичными предместьями, так и отдаленную равнинную местность [2].

По разумению Ван И, в двустишии сказано о рождении Цюй Юаня в столице и об его изгнании в зрелом (*чан* 長) возрасте: «Цюй Юань родился и вырос в царстве Чу, в юном возрасте вместе с государем находился при дворе, но, когда вырос, оказался изгнанным в далекую [местность] среди гор и пустошей. Ранит, что было положено начало [официальной карьере], но она так и не состоялась» (屈原少生於楚國，與君同朝；長大見遠棄於山野；傷有始而無終也).

Возможность понимания сочетания *юань шу* в смысле «дикая глухомань» подтверждают строки 9—10 «Чу фан», где это сочетание однозначно ассоциируется со ссылкой. Мотивы неправедной ссылки тоже типичны для древних чуских строф, например — строки стихотворения «Си ван жи» (惜往日 «Печалюсь о былых днях) цикла «Цзю чжан»:

11. Государь воспылал гневом к честному слуге,
12. Не стал выяснять-разбираться справедливо
иль нет [его обвиняют]...

君含而待臣兮不清澈其然否

15. [А он], ничего не проверив сличением фактов,
16. Подальше отослал честного слугу,
перестав [о нем даже] думать.

弗參驗以考實兮 遠遷臣而弗思 [3].

Уместно привести и комментарий Ван И, не только прочащий восприятие «Ци цзянь» в качестве монолога Цюй Юаня, но и связывающий его с повествованием из «Ши цзи»: «Хуай-ван не проверил, что мои верноподданнические замыслы могут принести спокойствие стране и выгоду народу, отверг преданность, [поверил] клеветническим речам, сослал меня в дикую глушь и так и не возвра-

---

[1] 漢語大字典/ 徐中舒主編 (Большой словарь китайских иероглифов / Под ред. Сюй Чжун-шу). В 8 т. Чэнду; Ухань, 1986—1989. Т. 1. С. 723.

[2] 漢語大詞典. Т. 1. С. 933.

[3] 楚辭補注. С. 150.

тил» (懷王不察己忠謀 可以安國利民，反信讒言，終棄我於原野，而不還也) [1].

Однако зачем автор «Ци цзянь» дважды на протяжении десяти строк говорит о ссылке персонажа?

Согласно альтернативной версии, в первом двустишии «Чу фан» сказано, что Цюй Юань родился в столице, но вырос (*чан*) где-то на периферии [2], возможно, в родовом имении [3]. Обратим внимание на характеристику персонажа, намеченную в строках 3—5: косноязычный, с поверхностными знаниями, претендующий на политическое возвышение, считая других еще более «убогими», чем он сам.

Эпизоды речевого фиаско персонажа также присутствуют в древних *чуцы,* но везде по причине дискомфортной для него ситуации. Ограничусь примерами из стихотворений цикла «Цзю чжан». Строки 34—35 «Си сун» (惜誦 «Пристрастие к увещеваниям»): «Сколько же вынес осуждений, подвергался наветам-поклепам, — / Заикался, не в состоянии оправдаться» (紛逢尤以離謗兮謇不可釋); строки 21—22 «Чоу сы» (抽思 «Излагаю мысли»): «Хотел, воспользовавшись случаем, себя оправдать, / Но сердце затрепетало от страха, — и не осмелился» (願承閒而自察兮心震悼而不敢) [4]. В «Ци цзянь» же явно говорится об ущербности способностей и знаний литературного героя. Обратим внимание на внешне малоприметное сочетание *нэ сэ* 訥譅 (строка 3). В дальнейшем оно превратилось в словесное клише (в графическом варианте *нэ сэ* 訥澀) со значением «говорить с трудом», «запинаться» [5]. Однако уставлено, что оно было впервые употреблено именно в «Ци цзянь» [6] и, следовательно, велика вероятность, является авторским фразеологическим неологизмом. Автор использовал древнее литературное слово *нэ* 訥, которое зафиксировано в значении «говорить с трудом» (*янь нань* 言難) в знаменитом словаре «Шо вэнь» («Шо вэнь цзе цзы» 說文解字, «Толкование письмён и объяснение иероглифов») Сюй Шэня (許慎, ок. 55—ок. 149) [7]. И добавил к нему слово *сэ* 譅, бывшее, напротив,

---

[1] 楚辭補注. С. 236. Утверждение Ван И, что тут сказано о Хуай-ване, повторяется и в некоторых современных комментариях: 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證. Т. 4. С. 2239.

[2] 楚辭今注 / 湯炳正. С. 272, примеч. 1.

[3] Таково суждение Пань Сяо-луна (潘嘯龍, р. 1945), цит. по: 楚辭集校集釋 /崔富章. Т. 2. С. 2363.

[4] 楚辭補注. С. 123, 138.

[5] Большой китайско-русский словарь. Т. 3. С. 329.

[6] 漢語大詞典. Т. 11. С. 68.

[7] Гл. 3-I, глосса «Янь бу» (言部): 說文解字注 / 許慎撰，段玉裁注 («Толкование письмён и объяснение иероглифов» с комментарием / Сост. Сюй Шэнь, коммент. Дуань Юй-цая). Шанхай, 1981. С. 95.

редкой и тоже возможно авторской [1] графической формой иероглифов *сэ* 澀 или *сэ* 蹙 (Хун Син-цзу) [2]; последний из них относится к чуским диалектизмам [3]. Получается, что персонаж смешивает высокий литературный лексикон и диалектную речь, выдавая тем самым свою провинциальность.

Налицо старания Ван И хоть как-то соотнести характеристику персонажа с привычным по «Ши цзи» образом Цюй Юаня: «природные верность и преданность не мог искусно выразить в строфах» (質性忠信，不能巧利辭令); «в речах и беседах косноязычен и неспособен и, не имея влиятельных друзей и единомышленников, хранил в себе свои [высокие] устремления» (言語訥鈍，復無彊友黨輔，以保達己志也) [4]. Однако, несмотря на все такого рода усилия, образы Пина и Цюй Юаня решительно расходятся. «Был широко сведущий, обладал крепкой волей, [особо] был прозорлив в событиях смутного времени, искусен в умении составлять указы...» (博聞彊志，明於治亂，嫺於辭令。入則與王圖議國事，以出號令), — так отзывается о великом чуском поэте Сыма Цянь [5].

О жизни Цюй Юаня до момента его появления при дворе Хуай-вана умалчивается и в «Ши цзи», и в биографии Цюй Юаня из сборника Лю Сяна «Синь сюй» (新序 «Новое предуведомление») [6]. Мотив взросления литературного героя где-то в уединении тоже угадывается в древних чуских строфах, наиболее отчетливо в рассказе о его юности из «Ли сао» (строки 9—24) [7]. В чуцыведении XX в. вслед за ревизией традиционных взглядов на образ Цюй Юаня распространилась гипотеза о его низком происхождении. Самую радикальную версию выдвинул Вэнь И-до (闻一多, 1899—1946) [8],

---

[1] 漢語大詞典. T. 11. C. 459.

[2] 楚辭補注. C. 236.

[3] 漢語大詞典. T. 5. C. 361.

[4] 楚辭補注. C. 236.

[5] 史記 / 司馬遷撰. T. 8. C. 2482.

[6] Об этом сочинении см.: *Алимов И. А*. Сад удивительного. С. 125—136. Биография эта занимает параграф 19 гл. 7 «Цзе ши» (節士 «Добродетельные мужи»): 新序今註今譯/ 盧元駿註譯 («Новое предуведомление» с современными комментариями и переводом [на совр. кит. яз.] / Коммент. и пер. Лу Юань-цзюня). Тянь-цзинь, 1988. С. 240—241; см. также: 楚辭評論集覽/ 崔富章總主編，李誠， 熊良智主編 (Собрание суждений о чуских строфах / Отв. ред. Цуй Фу-чжан, глав. ред. Ли Чэн, Сюн Лян-чжи). Ухань, 2002. С. 6; полный перевод и анализ см. в кн.: *Keindorf R.* Die mystische Reise im Chuci. Qu Yuans (ca. 340—278 v. Chr.) Yuanyou vor dem Hintergrund der zeitgenössischen Philosophie und Dichtung. Aachen, 1999. P. 17—18; см. также: Чуские строфы: Избранные произведения. С. 43—44.

[7] Чуские строфы: Избранные произведения. С. 200—202.

[8] Один из крупнейших и самых авторитетных исследователей культуры, литературы Древнего Китая и непосредственно чуских строф, см.: Чуские строфы. С. 67.

объявивший Цюй Юаня выходцем из «закабаленных низов», кто смог «возвыситься до высшего сословия феодальной знати» благодаря не столько своим талантам, сколько хаосу, охватившему социальную структуру общества в связи с переходом от рабовладельческого строя к феодальному [1]. В ныне малоизвестной (и раритетной) монографии Лу Цинь-ли (逯欽立, 1910/11—1973) «Цюй Юань Ли-сао цзянь лунь» (屈原離騷簡論 «Краткое обсуждение Цюй Юаня и "Ли сао"», Шэньян, 1957) доказывается, что Цюй Юань был сиротой из благородного, но обедневшего к тому времени семейства [2]. По мнению Сунь Цзо-юня (孫作雲, 1912—1978) [3], Цюй Юань принадлежал к той ветви клана Цюй, которая утратила былой социальный и материальный статус, а потому оказался на положении «бедного ученого» (*пинь ши* 貧士) и занимал низшую позицию среди образованных людей [4].

Итак, создается впечатление, что автор «Ци цзянь», акцентируя и обыгрывая мотивы и эпизоды из древних *чуцы* , использует их для создания по-своему иронического образа персонажа.

Разберем еще один фрагмент «Чу фан»:

19. Высокие горы вздымаются-взметаются,
20. Водный поток плещется-струится.

高山崔巍兮水流湯湯

21. День [моей] смерти приближается, —
22. Вместе с изюбрами и оленями окажусь в яме.

死日將至兮與麋鹿同坑

23. В одиночестве упал,
24. Прямо на дороге ночую.

塊兮鞠, 當道宿

С первым двустишием, безукоризненно выдержанном в «высоком» поэтическом слоге, резко диссонирует строка 22, где ключевое место занимает иероглиф *кэн* 坑, исходно обозначавший ров

---

[1] Статья «Жэньминь дэ шижэнь — Цюй Юань» (人民的詩人— 屈原, «Народный поэт Цюй Юань», июнь 1945 г.). Неоднократно переиздавалась, в т. ч. в кн.: 聞一多。 神話與詩 (*Вэнь И-до*. Миф и поэзия). 3-е изд. Шанхай, 1957. С. 259—261; сокр. пер.: *Вэнь И-до*. Избранное / Пер. с кит. М. Ульянова; коммент. В. Сухорукова и Г. Ярославцева. М., 1960. С. 124—127.

[2] 楚辭著作提要 / 潘嘯龍, 毛慶主编 (Тезисное изложение авторских работ о чуских строфах / Глав. ред. Пань Сяо-лун, Мао Цин). Ухань, 2003. С. 347.

[3] Историк, литературовед и искусствовед, много лет занимавшийся изучением чуских строф (楚辭著作提要. С. 539—542).

[4] 孫作雲。天問研究 (*Сунь Цзо-юнь*. Исследование [поэмы из чуских строф] «Тянь вэнь»). Пекин, 1989. С. 2.

(в том числе городской), канаву (включая сточную), овраг, ложбину [1], а затем — любое естественное и рукотворное углубление в земле: впадина, яма (в том числе для нечистот) [2]. В древних *чуцы* это слово, никак не относящееся, понятно, к поэтической лексике, отсутствует [3]. Примечательны колебания Ван И: вначале он предложил понимать *кэн* в значении *пи чи* (陂池 «маленький пруд», «заводь») [4], причем безо всяких на то оснований (нигде более такое значение этого слова не зафиксировано) [5]. А в парафразе двустишия додумался до ямы-ловушки: «Говорится, что годами стареет, день смерти приближается; не сумел обрести место при дворе, чтобы помогать правлению, а, вместе с изюбрами и оленями, как птицы и звери [6], вот-вот рухну в яму-ловушку (言己年歲衰老，不得國朝，輔政治，而與麋鹿同坑，鳥獸同伍, 將墜陷坑穽). Нетрудно догадаться, что Ван И ориентировался на значения иероглифа *кэн* 阬 [7], который в ханьском книжном языке смешивался с *кэн* 坑 и мог употребляться (в том числе в «Ши цзи») в смысле «закапывать заживо» (о массовой казни) [8]. Литературный герой сравнивает свою смерть с гибелью диких животных, то ли по каким-то причинам сброшенных в ров [9], то ли попавших в западню [10]. Последнее навевает ассоциации с охотой, но не с благородным аристократическим занятием, а, скорее, с низовым охотничьим промыслом, граничащим с браконьерством. Такой метафорический образ, резко противоречащий поэтике древних *чуцы,* придает, на мой взгляд, трагикомический оттенок размышлениям литературного героя о собственной смерти.

---

[1] 漢語大字典. Т. 1. С. 427.

[2] Большой китайско-русский словарь. Т. 4. С. 553.

[3] 袁梅。楚辭詞典.

[4] 楚辭補注. С. 237.

[5] 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證. Т. 4. С. 2243.

[6] Употребленный здесь иероглиф *у* 伍, имеющий основное значение «пяток / пятерица» — от воинского отряда из пяти человек (漢語大字典. Т. 1. С. 118), в комментариях-*чжанцзюй* используется в достаточно специфическом для чжоуского и ханьского литературного языка смысле: «в составе» (*фу* 複): 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證. Т. 4. С. 2243.

[7] 王泗原. 楚辭校釋. С. 340.

[8] 史記辭典 / 倉修良主編 (Словарь «Ши цзи» / Глав ред. Цан Сю-лян). 2-е изд. Цзинань, 1994. С. 241. К XIX в. *кэн* 阬 устойчиво означал «убить попавших в ров», «погубить» и входил в такие словесные клише, как *чжа кэн* (詐阬) — «завлекать в ловушку», «обманом погубить» (Китайско-русский словарь. Т. 1. С. 293—294).

[9] Вариант перевода: «I shall share a ditch with the wild deer» (Ch'u tz'u. P. 247), никак не проясняющий, на мой взгляд, смысла строки.

[10] Значение здесь *кэн* в смысле «попасть в западню / ловушку» (*сянь цзин* 陷阱) принимают и некоторые современные комментаторы: 楚辭今注 / 湯炳正. С. 273, примеч. 11.

Иероглифы *куай* и *цзюй*, входящие в строку 22, тоже в дальнейшем превратились в устойчивое сочетание (*куай цзюй*) со значениями «страдать в одиночестве», «тяжело переживать свою непонятность» [1], а всё это двустишие — в крылатое выражение «в одиночестве, простершись ниц, я посередине дороги пребываю» [2]. Но и это сочетание оказывается фразеологическим изобретением автора «Ци цзянь» [3]. Слово *куай* (塊 букв.: ‘ком земли’) впервые было использовано в качестве метафоры одиночества (в составе сочетания *куай жань* 塊然 [4]) в трактате «Сюнь-цзы» (荀子 [Сочинения] Учителя / Мудреца Сюня») Сюнь Куана (荀況, 313/298—238/215 до н. э.), причем — для передачи особого состояния государя, способного абстрагироваться от ложных советов придворных, повседневных сует и тому подобных факторов, мешающих державному правлению: «[Государь] в одиночестве комом земли сидит, и вся Поднебесная следует [за ним], словно [они] одно тело...» (塊然獨坐而天下從之如一體) [5]. Сун Юй («Цзю бянь») ввел в поэтический язык сочетание *куай ду* (塊獨, «угнетенный одиночеством», от глагольного значения *куай*), которое однозначно коррелирует с собственно одиночеством: «Угнетенный одиночеством, охраняю эти бескрайные болота, // Глядя на плывущие тучи, бесконечно вздыхаю» (塊獨守此無澤兮仰浮雲而永歎, строки 88—89) [6]. Сочетание повторил автор «Ай ши мин»: «Угнетенный одиночеством, охраняю этот свой затерянный уголок, // Полностью разочарованный, бесконечно вздыхаю» (塊獨守此曲隅兮然欿切而永歎, строки 75—76) [7]. Автор же «Ци цзянь» добавил к *куай* иероглиф *цзюй* 鞠, исходно обозначавший шар (мяч), набитый волосом [8]. По разумению Хун Син-цзу, он составил не более как синоним *куай ду*, и правильный вариант строки — *куай цзюй си* 塊鞠兮 [9]. Однако, по мнению Ван И [10], *куай* передает одиночество (*ду чу мао* 獨處貌), а *цзюй* употреблен в значе-

---

[1] Большой китайско-русский словарь. Т. 4. С. 479.

[2] Там же. Т. 3. С. 458.

[3] 漢語大詞典. Т. 2. С. 1152.

[4] Там же.

[5] Гл. 12 «Цзюнь дао» (君道 «Путь государя»): Xunzi 荀子 / Transl. into English by John Knoblock; transl. into modern Chinese by Zhang Jue (張覺) // Library of Chinese Classics. Chinese-English. In 2 vol. Changsha; Beijing, 1999. Vol.1. P. 398.

[6] 楚辭補注. С. 188.

[7] Там же. С. 263.

[8] 漢語大詞典. Т. 12. С. 198.

[9] 楚辭補注. С. 237. В этом варианте строка воспроизведена в некоторых изданиях «Чу цы чжан цзюй»: 楚辭集校集釋 /崔富章. Т. 2. С. 2367. Сочетание *куай цзюй* занесено и в словарно-энциклопедические издания: 漢語大詞典. Т. 12. С. 198.

[10] См. также: 楚辭章句疏證 / 黃靈庚疏證. Т. 4. С. 2244.

нии *пу фу* (匍匐, «падать ниц», «лежать ничком»). Человек, рухнувший от усталости на землю, словно набитый волосом мяч (сопоставимо с кулем), — весьма выразительный образ, создавая который автор «Ци цзянь» в очередной раз объединил древнюю книжную лексику с почти бытовой. Одновременно он словно бы иронизирует над печально-романтической интонацией, вложенной в сочетание *куай ду* в «Цзю бянь» и «Ай ши мин».

Приведенных примеров, думается, достаточно для предположения, что «Ци цзянь» сочинил литератор, обладавший обширными познаниями в древней книжной словесности и непосредственно в чуских строфах, а также своеобразным литературным стилем, отмеченным творческой смелостью, склонностью к фразеологическим экспериментам и остроумием. Велик соблазн принять «Ци цзянь» за пародию на чуские строфы, создающую иронический образ Цюй Юаня. Насколько высказанные наблюдения соответствуют сведениям о жизни и литературном творчестве Дунфан Шо?

Дунфан Шо вошел в историю культуры Китая в ипостасях придворного, прославленного своим красноречием и остроумием, и персонажа ранней даосской мифологии — кудесника, ставшего бессмертным-*сянем* 仙. Вторая из этих ипостасей отчасти совпадает с образом *фанши* (方士 «маг», «мастер эзотерики», «мастер методов»). То была особая группа духовных лиц, относимых к Фансяньдао (方仙道 «Школа / Путь методов бессмертия») — идейно-практическому комплексу, зародившемуся, предположительно, в IV—III вв. до н. э. и занявшему приметное место в религиозной жизни империи Ранняя Хань. «Методы» (*фан* 方) магов включали обретение индивидуального бессмертия, врачевание, спиритические сеансы, властвование над духами, проведение экзорцистских обрядов, гадание и погодную магию (вызывание и прекращение дождя, бури, грозы и т. д.). *Фанши* полагают непосредственными предшественниками собственно даосов — *дао ши* (道士 «мастер в Дао / Пути»), а Фансяньдао признают стержневым истоком даосизма (*Даоцзяо* 道教, «Учение о Дао») как относительно целостного религиозно-культурного континуума, сформировавшегося на протяжении III—VI в. *Фанши* находились при дворе ханьского У-ди и многих монархов Поздней Хань, поэтому их активность хорошо освещена в светской литературе [1].

---

[1] Первоочередным источником служит гл. 82 (в двух частях) «Фан шу ле чжуань» (方術列傳 «Жизнеописания искусных в методах / в искусстве эзотерики») официального историографического сочинения «Хоу хань шу» (後漢書 «Книга [о] Поздней Хань»), составленного в 430—440-е гг. авторским коллективом под руководством Фань Е (范曄, 398—446). Там представлены биографии 34-х *фанши*: 後漢書 / 范曄 撰，唐李賢等注 (Книга [о] Поздней Хань / Сост. Фань Е,

Каждая из указанных ипостасей Дунфан Шо — редкий, а то и уникальный для истории китайской культуры прецедент! — освещена в отдельных источниках. Начну с его образа как «мага», хотя в «Ци цзянь» сколько-нибудь очевидные мотивы, связанные с обретением бессмертия и обитанием в мире богов, отсутствуют — в отличие от «Ли сао», стихов из «Цзю чжан», «Си ши» и «Ай ши мин» [1]. Основными источниками являются: биография Дунфан Шо из гл. 2 сборника «Ле сянь чжуань» (列仙傳 «Отдельные жизнеописания бессмертных») всё того же Лю Сяна [2], сборник «Дун мин цзи» (洞冥記 «Записки, раскрывающие суть»; другое название «Хань у дун мин цзи» 漢武洞冥記 «Записки, раскрывающие суть о ханьском У-[ди]»), приписанный Го Сяню (郭憲 кон. I в. до н. э.—перв. пол. I в. н. э.) [3], а также произведение (типологически сопоставимое с повестью) «Хань у гу ши» (漢武故事 «Старые истории о ханьском У[-ди]») [4]. «Дун мин цзи» и «Хань у гу ши» целиком посвящены деяниям и событиям времен ханьского У-ди, связанным с обретением бессмертия, а их действующими лицами являются многочисленные «маги» и божественные персонажи.

Го Сянь, находившийся в статусе *боши* (博士 «ученый-эрудит») [5] при дворе основателя Поздней Хань — Гуанъу-ди (光武帝, на троне 25—57), причислен также и к сообществу *фанши* [6], что предполагает его широкие познания в соответствующих легендах и верованиях. Существует немалое число списков «Дун мин цзи» в составе различных книжных серий; наиболее адекватным считается список из собрания «Гу ши вэнь фан сяо шо» (顧氏文房小説 «Рас-

---

коммент. танского Ли Сяня и др.). В 12 т. Пекин, 1982. Т. 9. С. 2703—2754; перевод см. в кн.: *DeWoskin K. J.* Doctors, Diviners, and Magicians in Ancient China: Biographies of Fang-shih (English and Chinese Edition). New York: Columbia, 1983.

[1] Чуские строфы: избранные произведения. С. 218—231, 276, 305, 327—38, 338.

[2] Подробно об этом сборнике см.: *Алимов И. А.* Сад удивительного. С. 96—103. Важно, что текст дошел до нас во фрагментах, и многие имеют различные текстуальные версии.

[3] Подробно см.: *Алимов И. А.* Указ. соч. С. 83—89.

[4] Подробно см.: *Алимов И. А.* Указ. соч. С. 53—54. Полный перевод произведения (Кира Ивановна Голыгина, 1935—1999) см. в кн.: Пурпурная яшма: Китайская повествовательная проза I—VI вв. М., 1980. С. 44—84.

[5] Официальное ученое звание, которое в первой половине Ранней Хань жаловали придворным книжникам, независимо от сферы их занятий, но с 136 г. до н. э. его стали получать исключительно специалисты в области конфуцианской канонической литературы: *Kramers R. P.* The Development of the Confucian Schools // The Cambridge History of China. Vol. 1: The Ch'in and Han Empires, 221 B. C.—A. D. 220 / Ed. by David Twitchett, Michael Loewe. Cambridge, 1986. P. 753, 756.

[6] В «Хоу хань шу» его жизнеописание включено в главу «Фан шу ле чжуань» (後漢書. Т. 9. С. 2708—2710).

сказы из домашней библиотеки господина Гу»), состоящий из 60-и разновеликих фрагментов, сведенных в четыре главы; именно этот список обычно и воспроизводят в современных изданиях [1]. Солидная часть фрагментов сборника, перемежающихся с рассказами о других «магах» и «чудесах» тех времен, так или иначе посвящена Дунфан Шо. Составители компендиума «Тай пин гуан цзи» (太平廣記 «Обширные записи годов Тай-пин») [2] свели их в слитное жизнеописание [3], которое используется (переложения с некоторыми добавлениями и пояснениями) и в современных рассказах о Дунфан Шо как о «маге» и бессмертном [4].

«Хань у гу ши» в традиции чаще всего приписывают Бань Гу, сегодня его датируют тоже преимущественно ханьским временем, считая, правда, созданным в конце либо Поздней Хань, либо Ранней Хань (приблизительно одновременно с «Ле сянь чжуань» и «Дун мин цзи»). Вот почему авторитетна точка зрения, что во всех трех сочинениях нашли отражение легенды о ханьском У-ди и Дунфан Шо, имевшие хождение в конце Западной Хань, и что слухи о чудесных знаниях и способностях Дунфан Шо возникли еще при его жизни [5].

Ипостась Дунфан Шо как «мага», либо, корректнее, его познания в области ранних даосских верований и практик, косвенно подтверждает факт его возможного авторства сочинений «Шэнь и цзин» (神異經 «Книга о чудесах духов») и «Ши чжоу цзи» (十洲記 «Записки о десяти сушах») [6], которых далее я касаться не буду.

---

[1] Среди них: 漢魏六朝筆記小説大觀 / 王根林，黄盛元，曹光甫校點 (Большое обозрение [прозы] бицзи и сяошо [эпох] Хань, Вэй и Шести государств / Текст выверили Ван Гэнь-линь, Хуан Шэн-юань, Цао Гуан-фу). Шанхай, 1999. С. 124—135.

[2] Данный компендиум был составлен (по августейшему повелению) в начале эпохи (империи) Северная Сун (Бэй Сун 北宋, 960—1127) и включает в себя фрагменты из 343 прозаических сборников от эпохи Хань до начала Сун, о нем см., например: *Алимов И. А*. Облачный кабинет: Краткая история китайской прозы сяошо об удивительном X—XIII вв. СПб., 2021. С. 122—148.

[3] Оно входит в подраздел 6 первого раздела «Шэнь сянь» (神仙 «Божественные бессмертные»): 太平廣記 / 李昉等編 (Обширные записи годов Тай-пин / Под ред. Ли Фана и др.). В 10 т. Пекин, 1961. Т. 1. С. 38—41. Перевод («Жизнеописание Дунфан Шо»; Борис Львович Рифтин, 1932—2912): Классическая проза Дальнего Востока. М., 1975. С. 43—48 (Библиотека всемирной литературы. Т. 18). Краткое переложение см. в кн.: Духовная культура Китая. Энциклопедия / Гл. ред. М. Л. Титаренко. В 6 т. М., 2006—2010. Т. 2. С. 451.

[4] Например: 神仙世界：中國神仙故事大觀 (Мир божественных бессмертных: обзор легенд о китайских божественных бессмертных). Шанхай, 1990. С. 82—87.

[5] The Encyclopedia of Taoism / Ed. by Fabrizio Pregadio. In 2 vol. London; New York, 2008. Vol. 1. P. 366.

[6] Подробно об этих сочинениях, включая проблему их авторства см. в кн.: *Алимов И. А*. Сад удивительного. С. 72—83.

С другой стороны, отдельное жизнеописание Дунфан Шо отсутствует в «Шэнь сянь чжуань» (神仙傳 «Жизнеописания божественных бессмертных / святых-бессмертных») выдающего даосского теоре-тика и алхимика-практика Гэ Хуна (葛洪, 283/284—343/363) [1], что означает его исключение из пантеона личностей, обретших бессмертие, принятого в среде даосской интеллектуальной элиты IV в. Исходя из этого, справедливой выглядит дефиниция Дунфан Шо как «персонажа народной даосской мифологии» (Б. Л. Рифтин) [2]. Однако и она влечет за собой новые научные вопросы, связанные с проблемами возникновения «простонародного» культа Дунфан Шо и причин его фиксации в элитарных книжных источниках.

Проанализируем основную часть (дополнена пространным стихотворным «послесловием») биографии Дунфан Шо из «Ле сянь чжуань», намеренно воспользовавшись переводом А. И. Алимова [3]:

> Дунфан Шо был из Яньцы, что в Пинъюане. Долгое время жил в [княжестве] У, несколько десятков лет служил домашним учителем [4]. Во времена У-ди подал на высочайшее имя доклад с рассуждениями о пользе [страны] и был пожалован [должностью] *лана*. И до самых времен Чжао-ди кто-то считал [Дунфан Шо] прозревшим истину мудрецом, а кто-то — обычным человеком, ведь поведение [Дунфан Шо] было временами таинственно, непостижимо, а временами — ясно и понятно, временами же — язвительно-насмешливо, и никто не ведал, что [на самом деле] у него на уме. А в начале [правления] Сюань-ди [Дунфан Шо] оставил службу, спасаясь от [грядущей] смуты [5], повесил чиновничью шапку на ворота присут-

---

[1] 神仙傳校釋 / [晉]葛洪撰；胡守為校釋 («Жизнеописания божественных бессмертных»: выверенный текст с толкованиями / Сост. [цзиньский] Гэ Хун; выверил и толковал Ху Шоу-вэй). Пекин, 2010; *Campany R. F.* To Live as Long as Heaven and Earth: A Translation and Study of Ge Hong's Traditions of Divine Transcendents. Berkeley; Los Angeles; London, 2002; о «Шэнь сянь чжуань» см.: *Алимов И. А.* Сад удивительного. С. 321—332.

[2] Духовная культура Китая. Т. 2. С. 451.

[3] *Алимов И. А.* Сад удивительного. С. 101 (выполнен по изданию: 列仙傳注譯 / 滕修展，王奇注譯。神仙傳注譯 / 張淑琴，高艷注譯 «Отдельные жизнеописания бессмертных» с комментариями и переводом [на совр. кит. яз]. / Коммент. и пер. Тэн Сю-чжаня и Ван Ци. «Жизнеописания божественных бессмертных» с комментариями и переводом [на совр. кит. яз] / Коммент. и пер. Чжан Шуцинь и Гао Яня). Тяньцзинь, 1996. С. 87.

[4] К этим двум фразам мы вернемся в дальнейшем.

[5] Употребленное в тексте выражение *би луань ши* (避亂世, «спасаться от смутного времени / лихолетья») может быть понято в качестве желания Дунфан Шо бежать от современного ему общества. Однако ссылка на времена правления Сюань-ди дает основание предполагать (И. А. Алимов), что тут содержится намек на провидческие способности Дунфан Шо: он предвидел окончательное ослабление ханьского дома.

ственного места — ветер унес ее, и [Дунфан Шо] исчез. Потом его видели в Гуйцзи, а также в районе озера Тайху — [Дунфан Шо] торговал лекарственными снадобьями [1]. Люди сведущие подозревали, что он стал духом звезды Тайсин [2].

Замечания касательно места происхождения Дунфан Шо: область Пинъюань (Пинъюаньцзюнь 平原郡) была учреждена при Ранней Хань в северо-западной окраине совр. пров. Шаньдун (на месте совр. г. Пинъюань) [3]. А вот Яньцы 厭次 среди известных по другим старинным древним книжным источникам отсутствует. В результате сложных и скрупулезных изысканий [4] эту местность сегодня наиболее уверенно (есть и другие версии) локализуют на территории совр. уезда Хуэйминьсянь 惠民縣 [5] или округа Шэньтоучжэнь 神頭鎮 (из административной зоны г. Дэчжоу 德州) [6], которые находятся в северной и северо-западной (на границе с пров. Хэбэй) окраинах пров. Шаньдун, соответственно. Не секрет, что многие топонимы, фигурирующие в древних сочинениях, с трудом поддаются географическому отождествлению. Но не странно ли, что Лю Сян объединил хорошо знакомое и фактически неизвестное топонимические названия? Далее. По-своему загадочной выглядит и вторая строка приведенного текста — букв.: ‘долго жил в У, несколько десятков лет был *шу ши*’ (久在吳中, 為書師數十年). Если под «У»

---

[1] Гуйцзи (Куайцзи 會稽) — местность (уезд) на территории совр. уезда Шаосин (пров. Чжэцзян). Варианты фрагмента: «торговал лекарственными снадобьями у Пяти озер», «Торговал... и плавал по Пяти озерам»: 列仙傳校箋/王叔岷撰 («Отдельные жизнеописания бессмертных»: выверенный текст с истолкованиями / Сост. Ван Шу-минь). Пекин, 2007. С. 105, примеч. 7.

[2] Звезда Тайсин (泰星) — Юпитер, по другим легендам, был духом (*цзин* 精) звезды Тайбай (太白, Венеры).

[3] 簡明中國歷史地圖集 / 譚其驤主編 (Атлас исторических карт Китая с краткими пояснениями / Глав. ред. Тан Ци-сян). Пекин, 1996. С. 18а.

[4] 郭克勤，張雯。東方朔故里考證 (*Го Кэ-цинь, Чжан Вэнь*. (Исследование [сведений] о месте происхождения Дунфан Шо) // 濱州學院學報 (Научный журнал Бинчжоуского института). 2021. Т. 31. № 1.

[5] В т. ч.: 中國古代文學辭典. С. 42; 中國歷史人物辭典. С. 53; 孫東臨，楊三秋. 東方朔年譜簡表 (*Сунь Дун-линь*, *Ян Сань-цю*. Краткая погодичная хроника [жизни и творчества] Дунфан Шо) // 求索. 徐州漢文化學術資源網 («Искатель». Сюйчжоуский научно-практический журнал исследований по китайской культуре). 2007. № 4. С. 167. Наиболее развернутые аргументы в пользу этой версии представлены в ст.: 郭克勤，張雯。東方朔故里考證. С. 59—65.

[6] 龔克昌. 東方朔評傳 (*Гун Кэ-чан*. Критическое жизнеописание Дунфан Шо // 龔克昌。漢賦研究 (Гун Кэ-чан. Исследования ханьской одической поэзии). Цзинань, 1990. С. 168; 先秦兩漢文學研究 / 季羨林名誉主編, 呂薇芬，張燕瑾主編 (Исследования по литературе до эпохи Цинь и обеих империй Хань / Гл. ред. Цзи Сянь-линь, ред. Люй Вэй-фэнь, Чжан Янь-цзинь). Пекин, 2001. С. 327—328.

имеется в виду территория древнего царства У (Уго 吳國 585—473 до н. э.), значит, Дунфан Шо долгое время жил на юго-восточной периферии империи Хань [1] и в местности, которая с V в. до н. э. входила во владения царства Чу. Между тем сохранился фрагмент «Ле сянь чжуань», где сказано, что Дунфан Шо был «чусцем» (*Чу жэнь* 楚人) [2]. Он происходил из семейства (о котором, заметим, умалчивается) уроженцев восточного прибрежного региона Китая, но после столь долго прожил на бывшей территории Чу, что его стали считать чусцем? Либо же ассоциация образа Дунфан Шо с восточным прибрежным районом Китая возникла по причине наиболее прочной связи именно этого района с традицией *фанши*? Однако следует помнить, что религиозная традиция царства Чу тоже располагала развитым комплексом верований и магических практик, связанных с обретением бессмертия [3].

Как *шу ши* (書師 «наставник в писаниях») при Хань обозначали наставника в начальном обучении в домашних условиях («домашний учитель») и в сельской школе [4], что требовало, понятно, от человека предварительного и достаточно длительного обучения, причем в области конфуцианской классики, а вовсе не оккультных знаний и практик. Если Дунфан Шо, достигнув надлежащего уровня образованности, еще несколько десятков лет занимался учительством, то в каком возрасте он прибыл в столицу?

Время и причины прибытия Дунфан Шо в столицу не уточняются, начало его официальной карьеры связывается с подачей им «письма на высочайшее имя» (*шан шу* 上書) [5], но чье именно внимание оно привлекло — самого монарха или кого-то из царедворцев, — и как к ним попало, тоже умалчивается. Из характеристики самого письма, при всей ее лапидарности, явствует, что оно было посвящено вопросам державного правления, а не обретения бессмертия. Получается, что Дунфан Шо оказался при дворе в качестве ученого-книжника, не имевшего никакого отношения к «магам».

Текст жизнеописания позволяет умозаключить, что Дунфан Шо оставался при дворе вплоть до правления Чжао-ди (昭帝, на троне 86—74 до н. э.). Его «земная жизнь» доводится приблизительно

---

[1] Царство У располагалось на части территории совр. пров. Цзянсу (в районе нижнего течения Янцзы).

[2] 列仙傳校箋. С. 103, примеч. 1.

[3] Чуские строфы: избранные произведения. С. 170—176.

[4] 漢語大詞典 / 羅竹風主編. Т. 5. С. 721.

[5] Употребленное в тексте сочетание *шан шу* (上書 «письмо наверх») есть термин, обозначающий деловую документации, которая охватывала документы к трону, выносящие на высочайшее рассмотрение какой-либо вопрос, либо предлагавшие некое решение текущих государственных проблем.

до половины I в. до н. э. (времен правления Сюань-ди). Но о его месте в придворных кругах, равно как и о конкретных деяниях почти ничего не говорится. Как *лан* (郎 «служитель») в эпоху Хань обозначали придворных служащих и чиновников различных категорий и служебных функций [1]. Единственный намек на познания Дунфан Шо в искусстве обретения бессмертия улавливают во фразе: «повесил чиновничью шапку на ворота присутственного места...» (置幘官舍, 風飄之而去), которая могла означать, согласно одной из трактовок, что ветряной вихрь унес не шапку Дунфан Шо, а его самого [2]. Приведенное толкование согласуется с представлениями о паранормальных способностях *фанши*, которые могли посредством специальных диет и дыхательных упражнений добиться такой телесной легкости, что передвигались на атмосферных явлениях [3]. Но есть весомые основания полагать, что подобные представления возникли не в рамках Фансяньдао, но в рамках чуских верований и практик [4]. Скупость сведений, пусть даже легендарного характера, о жизни и деяниях Дунфан Шо видится тем более странной, что, по утверждению Бань Гу (глава 65 «Хань шу», см. далее), Лю Сян в молодые годы общался со старцами, жившими в одно время с Дунфан Шо и сведущими о нем [5]. Остается предположить, что к концу I в. легенды о Дунфан Шо как о «маге» еще не сложились, ибо намеренное упущение их Лю Сяном прямо противоречит содержанию «Ле сянь чжуань».

В «Дун мин цзи», напротив, образ Дунфан Шо раскрыт ярко и убедительно. Он показан главным наставником ханьского У-ди в искусстве обретения бессмертия, что Го Сянь специально подчеркнул в «Предисловии» к сборнику: «...Вот ханьский У-ди, владыка просвещенный, особенный — Дунфан со своим остроумием, вздорными речами склонял решительно его открыть сердце даосскому учению, приподнимая завесу над самой сокровенной сутью, дабы сделать ее для У-ди очевидной» [6]. В первом же фрагменте о Дунфан Шо (начало гл. 1) [7] сообщается его второе имя (*цзы* 字) — Мань-цян

---

[1] *Hucker Ch*. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. Taipei, 1985. P. 301.

[2] 列仙傳校箋. С. 105, примеч. 6; на материале однофразового упоминания о Дунфан Шо в авторском предисловии к «Шэнь сянь чжуань»: *Campany R. F.* To Live as Long as Heaven and Earth. P. 341, note 191.

[3] *Campany R. F.* Making Transcendents. Ascetic and Social Memory in Early Medieval China. Honolulu, 2009. P. 50.

[4] Чуские строфы: Избранные произведения. С. 170—171.

[5] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2873.

[6] 漢魏六朝筆記小説大觀. С. 124; перевод: *Алимов И. А*. Сад удивительного. С. 86.

[7] 漢魏六朝筆記小説大觀. С. 125.

曼倩 — и рассказывается о его рождении и детстве. А вот о месте происхождения умалчивается. Дунфан Шо родился в третий год правления Цзин-ди (景帝, на троне 157—141 до н. э). Его отцу — Чжан И 張夷, второе имя Шао-пин 少平, на тот момент исполнилось 200 лет, но он имел облик подростка. Мать умерла через три дня после родов, отец бросил младенца на обочине сельской дороги, где его на рассвете подобрала старая крестьянка, нарекшая найденыша «Дунфан» («Восток»), — в дальнейшем это имя превратилось в фамилию. С трехлетнего возраста Шо совершал мистические странствования к местам обитания божеств и духов. К У-ди он явился во втором году под девизом правления Цзянь-юань (建元, зима 141/140—135), то есть в возрасте 16 лет, и мистическим образом: «Император поднялся на террасу Несущегося сияния (Тэнгуантай 騰光泰), дабы обозреть дали четырех сторон света... Шо предстал перед ним, сказав...» [1]

Оказавшись при дворе, он и далее постоянно совершал мистические странствования, рассказывая императору об увиденном и просвещая его в чудесном. Большинство эпизодов, приведенных в «Дун мин цзи», датированы, что придает повествованию ауру документальности. Всего названы 12 дат, непосредственно для Дунфан Шо особо выделяется период под девизом правления Тай-чу (太初 104—100 до н. э.), на протяжении которого он совершил три мистических странствования (цз. 2) [2]. Последний по времени эпизод с его участием (цз. 3) датирован 99 г. до н. э. (второй год под девизом Тянь-хань 天漢, 100—96 до н. э.) [3]. Зато о его смерти умалчивается. А вот «Жизнеописание Дунфан Шо» из «Тай пин гуан цзи» завершает эпизод [4], сообщающий, что после его кончины на небе появилась «звезда Суйсин» (歲星, еще одно название Юпитера), которой не было видно 18 лет. «Государь поднял голову к небу и со вздохом произнес: "Дунфан Шо **пробыл подле нас восемнадцать лет (**выделено мною — *М. К.***)**, а я и не знал, что он есть дух звезды Суйсин!"» (пер. Л. Б. Рифтина). Если исходить из даты явления Дунфан Шо монарху, получается, что он скончался (покинул земной мир) ок. 121 г. до н. э., что противоречит приведенным выше датам. Кроме того, согласно «Тай пин гуан цзи», Дунфан Шо был возвышен до *тайчжун дафу* (太中大夫 «вельможа высшей середины») [5],

---

[1] 漢魏六朝筆記小説大觀. С. 126.

[2] Там же. С. 129.

[3] Там же. С. 132.

[4] 太平廣記. С. 39; 神仙世界. С. 82.

[5] 太平廣記. С. 41; см. также: 神仙世界. С. 87; Классическая проза Дальнего Востока. С. 48.

исторически достоверной должности, которой удостаивались единичные персоны (от одной до трех) из ближайших консультантов монарха [1]. В «Дун мин цзи» названия каких-либо официальных постов Дунфан Шо не приведены, что, на мой взгляд, подчеркивает его персональную уникальность и отрешенность от мирского.

Итак, в «Дун мин цзи» Дунфан Шо рисуется даже не *фанши*, обретшим сверхъестественные способности через оккультные знания и магические практики, но почти божественной личностью. Несмотря на фантазийность повествования, указанная дата его рождения (154 г. до н. э.) принимается за биографическую реалию.

В «Хань у гу ши» Дунфан Шо предстает божеством, изгнанным с небес за то, что осмелился украсть персики, созревающие раз в 10 000 лет на волшебных горных деревьях, растущих в саду Сиванму 西王母 [2]. И оказывается не просто наставником императора, но и «посредником между ним и горними сферами» [3]. Из деталей его «земной жизни» сообщается, во-первых, о его раннем сиротстве: оба его «земных» родителя умерли, когда ему было всего три года; и, во-вторых, о его физической кончине (возвращении в сонм божеств) при жизни ханьского У-ди (тот приказал похоронить его бренные останки) [4].

О Дунфан Шо как об историческом лице впервые рассказывается в гл. 126 «Хуа цзи ле чжан» (滑稽列傳 «Жизнеописания остроумных [советчиков]») «Ши цзи» [5]. В главу входят десять повествований [6], три принадлежат Сыма Цяню [7], остальные, включая рас-

---

[1] *Hucker Ch.* A Dictionary of Official Titles in Imperial China. P. 477; см. также: *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура. СПб., 2009. С. 94.

[2] Культ Сиванму как владычицы Запада (=сакральной части света), подательницы бессмертия и повелительницы бессмертных (*сянь*) складывался на протяжении обеих эпох Хань; подробно см. в т. ч.: *Cahill S. E.* Transcendence and Divine Passion: The Queen Mother of the West in Medieval China. Stanford, 1993. P. 15—32. «Хань у гу ши» является одним из первых источников, в которых говорится о волшебных персиковых деревьях и их плодах: 袁珂。中國神話傳説詞典 (*Юань Кэ*. Словарь китайских мифов и легенд). Шанхай, 1985. С. 449. Перевод соответствующего фрагмента см. в кн.: *Алимов И. А.* Сад удивительного. С. 56; Пурпурная яшма. С. 63—64.

[3] *Алимов И. А.* Указ. соч. С. 57.

[4] Пурпурная яшма. С. 71, 73.

[5] 史記 / 司馬遷撰. Т. 10, с. 3197—3208; перевод: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 9. С. 228—239. Я принимаю предложенный там вариант перевода названия главы.

[6] Все они посвящены разным персонажам и представляют собой не столько их биографии, сколько рассказы о них, что и побуждает воспользоваться другим принятым значением термина *чжуань* 傳 — «повествование».

[7] О Чуньюй Куне 淳于髡, Ю Мэне 優盟 и Ю Чжане 優旃, живших при Чжаньго и при Цинь (221—207 до н. э.) см.: 史記 / 司馬遷撰. Т. 10. С. 3197—3208; *Сыма*

сказ о Дунфан Шо, — Чу Шао-суню, о чем он уведомил в преамбуле к этой серии. В основном тексте «Ши цзи» о Дунфан Шо вообще не упоминает [1], включая гл. 12 «Сяо у бэнь цзи» (孝武本紀 «Основные записи [о деяниях императора] Сяо-у»), живописующую, как известно, религиозные искания ханьского У-ди и перекликающуюся по смыслу с легендами из «Дун мин цзи» и «Хань у гу ши» [2]. Очередная загадка, усиленная тем фактом, что в одном из фрагментов «Синь лунь» (新論 «Новые суждения») Хуань Таня (桓潭, 43 до н. э.—28 н. э.) [3] сказано о тесных дружеских отношениях Сыма Цяня и Дунфан Шо [4].

К повествованиям Чу Шао-суня издавна установилось скептическое отношение [5]. Они, бесспорно, являются незаурядными литературными произведениями, отмеченными живостью изложения, выразительностью образов персонажей, мастерством построения эпизодов. Показательно включение состоящего в основном из интерполяций в «Ши цзи» «Чу сянь шэн цзи» (褚先生集 «Собрание сочинений ученого Чу») в прославленный свод (глава 5) «Хань вэй лю чао сань бай цзя цзи» (漢魏六朝三百名家集 «Собрание сочинений трехсот литераторов эпох Хань, Вэй и Шести государств») Чжан Пу (張溥, 1602—1641) [6].

Сравнивая повествования Сыма Цяня и Чу Шао-суня, прежде всего указывают на различия в трактовках персонажей [7]. Сыма Цянь рисует образы сугубо положительных личностей, которые действуют в интересах государства и дают не только остроумные и ироничные, но и по-настоящему мудрые советы. Герои же Чу Шао-суня

Цянь. Исторические записки. Т. 9. С. 228—239; перевод первого из них («Отдельное повествование о скользких говорунах») см. в кн.: Шедевры китайской классической прозы. Кн. 1. С. 126—129.

[1] 史記辭典/ 倉修良主編 (Словарь «Ши цзи» / Глав ред. Цан Сю-лян). 2-е изд. Цзинань, 1994. С. 259.

[2] 史記 / 司馬遷撰. Т. 2. С. 451—486; перевод: *Сыма Цянь* Исторические записки. Т. 2 (М., 1975). С. 254—285; см. также: The Grand Scribe's Records by Ssu-ma Ch'ien / Ed. by William H. Nienhauser; tr. By Weiguo Cao [et. al]. Vol. 2. Taipei, 2004. P. 219—255.

[3] Общие сведения о нем (крупный ученый-книжник, литератор, мыслитель) и его сочинении см., в том числе: *Алимов И. А*. Сад удивительного. С. 20, примеч. 2.

[4] 龔克昌. 東方朔評傳. С. 172.

[5] Они выпущены в первом англоязычном переводе этой главы в кн.: Records of the Historian. Written by Szuma Chien / Tr. by Yang Hsien-yi and Gladys Yang. Third reprinted edition. Hong Kong, 1985. P. 403—409.

[6] 漢魏六朝三百名家集 / 明張溥輯 (Собрания сочинений трехсот прославленных литераторов Хань, Вэй и Шести государств / Составил минский Чжан Пу). [В 5 т.]. Нанкин, 2001. Т. 1. С. 107—151.

[7] *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 9. С. 471.

руководствуются в основном собственными корыстными целями. Важнее оценить степень исторической достоверности его повествований.

Бросается в глаза алогичность списка персонажей и порядка расположения рассказов о них. Первые четыре посвящены лицам из окружения У-ди: певцу Го-шэжэню (郭舍人) и кормилице У-ди, Дунфан Шо, генералу Вэй Цину (衛青, ум. 106 г. до н. э.), Ван-фужэнь (王夫人 госпожа Ван), фаворитке У-ди [1]. Затем Чу Шао-сунь внешне неожиданно приводит новую легенду о Чуньюй Куне, после рассказывает о некоем наставнике Ване (Ван-сяньшэнь 王先生), якобы жившем во времена царствования У-ди, и завершает главу повествованием тоже о древнем (эпоха Чжоу) сановнике Симэнь Бао 西門豹 [2]. При ближайшем рассмотрении все повествования оказываются либо вольными переложениями прежних легенд, либо авторскими выдумками, да еще и содержащими откровенные фактологические неточности. Некоторые отмечены в примечаниях к русскоязычному переводу главы [3].

Добавлю еще примеры.

Повествование о Ван-фужэнь сводится к рассказу об ее предсмертном разговоре с У-ди:

> Ван-фужэнь тяжело заболела, государь пришел к ней и спросил: «Когда сын станет *ваном*, куда бы ты хотела его отправить?» [4] Она ответила: «Я желала бы для него [город] Лоян». Государь сказал: «Это невозможно... К востоку от застав нет владения большего, чем Ци. Можно назначить его *ваном* в Ци». Ван-фужэнь, хлопнув себя ладонью по голове, воскликнула: «Это было бы большим счастьем». [Когда] Ван-фужэнь умерла, об этом было записано «Ци-ван *тайхоу* почила» (пер. А. Р. Вяткина).

Здесь повторен эпизод, приведенный в гл. 60 «Сань ван ши цзя» (三王世家, «Наследственные дома трех *ванов* [сыновей У-ди от наложниц]) «Ши цзи» [5] и входящий в завершающую часть главы, принадлежащую тоже Чу Шао-суню [6]. Эпизод дополняет раздел, написанный Сыма Цянем и состоящий в основном из документов,

---

[1] 史記 / 司馬遷撰. Т. 10. С. 3204, 3205—3208, 3208—3209, 3209; *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 9. С. 234, 235—238, 238—239, 239.

[2] 史記 / 司馬遷撰. Т. 10. С. 3209—3210, 3210—3211, 3211—3213; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 9. С. 240, 240—241, 241—242.

[3] *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 9. С. 477, примеч. 52, 56, 57.

[4] Речь идет о будущем возведении ее сына в титул *ван*, предполагавшем наделение его удельным владением.

[5] 史記 / 司馬遷撰. Т. 6. С. 2105—2120; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 6. С. 266—279

[6] 史記 / 司馬遷撰. Т. 6. С. 2125. *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 6. С. 274—275.

воспроизводящих дискуссию о правомерности и политической необходимости возведения в титул *ван* императорских сыновей от наложниц. Ряд царедворцев предложили У-ди сделать *ванами* трех малолетних сыновей его фавориток. Соответствующую церемонию провели весной 117 г. до н. э. [1], первым титул *вана* (Ци-ван) получил сын Ван-фужэнь — Лю Хун (劉閎 , ум. ок. 109 до н. э.). Об этом событии сообщается и в жизнеописании Ли Хуна из гл. 63 «У у цзы чжуань» (武五子傳 «Жизнеописания пяти сыновей [императора] У-[ди]») «Хань шу» [2]. Там же сказано, что он был любимым сыном У-ди и скончался через восемь лет после возведения в титул *вана* (Ци Хуай-ван 齊懷王). О какой-либо предварительной беседе императора с госпожой Ван не упоминается. О ней самой почти ничего неизвестно. В гл. 97 «Вай ци ле чжуань» (外戚列傳 «Жизнеописания внешних родственников») «Хань шу», посвященной императрицам и наложницам-фавориткам раннеханьских императоров, она названа лишь как мать Ли Хуна [3]. В «Ши цзи» дважды сообщается, что в 121 г. до н. э. ко двору явился маг Шао-вэн 少翁, который после смерти госпожи Ван вызвал по просьбе императора ее дух [4]. Значит, госпожа Ван умерла через 3—4 года после возведения сына в титул *вана*, что делает столь выразительно-трогательную историю об ее предсмертной беседе с августейшим супругом откровенной выдумкой.

В повествовании о Симэнь Бао, сановнике царства Вэй (Вэйго 魏國, 403—225 гг. до н. э), жившем во времена местного правителя Вэнь-хоу (Вэй Вэнь-хоу 魏文侯, на троне 424—387 до н. э.), центральное место занимает история о том, как он, будучи губернатором (*лин* 令) Е (鄴, область Ецзюнь 鄴郡, см. далее), положил конец местному обычаю приносить девушек в жертву Хэ-бо 河伯 — божеству р. Хуанхэ [5]. Затем говорится, что по его распоряжению прорыли 12 каналов, пустив по ним воды Хуанхэ для орошения мест-

---

[1] 史記 / 司馬遷撰. Т. 6. С. 2112; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 6. С. 272. Указана дата: в день под циклическими знаками *и-сы* 乙巳 четвертой луны (*сы юэ* 四月) шестого года под девизом Юань-шоу (元狩 122—117 до н. э.).

[2] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2741—2749; *Watson B.* Courtier and Commoner in Ancient China: Selections from the History of the Former Han by Pan Ku. New York; London, 1974. P. 54.

[3] [前]漢書 / 班固撰. Т. 12. С. 3956.

[4] В «Сяо у бэнь цзи» и в гл. 28 «Фэн шань шу» (封禪書 «Книга о жертвоприношениях фэн и шань» / «Трактат о жертвоприношениях Небу и Земле»): 史記 / 司馬遷撰. Т. 2. С. 458; Т. 4. С. 1387; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 2. С. 258—259; Т. 4. С. 172.

[5] Эта история пользуется повышенным вниманием среди специалистов по истории религий Китая. Перевод (переложение) и анализ указанного фрагмента см., в т. ч., в кн.: *Юань Кэ*. Мифы Древнего Китая / Пер. с кит. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузицкого и В. Ф. Сорокина. М., 1965. С. 189—191; *Яншина Э. М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984 С. 100—101.

ных земель. О проведении в царстве Вэй масштабного ирригационного проекта сообщается в сочинении III в. до н. э. «Люй ши чунь цю» (呂氏春秋 «Вёсны и осени господина Люя», цз. 16, гл. 5) [1], в гл. 29 «Хэ цюй шу» (河渠志 «Трактат о реках и каналах») «Ши цзи» [2] и в гл. 29 «Гоу сю чжи» (溝洫志 «Трактат об оросительных каналах») «Хань шу» [3]. По «Люй ши чунь цю» и «Хань шу», проект осуществили при вэйском Сян-ване (魏襄王, на троне 334—319 до н. э.) и по инициативе сановника Ши Ци 史起, а для оросительных каналов использовали воды р. Чжаншуй (漳水). По «Ши цзи», проект реализовал Сыма Бао, но тоже прорыв оросительные каналы от Чжаншуй. В «Чжань го цэ» (戰國策 «Планы Сражающихся царств») [4] приведена беседа вэйского Вэнь-хоу с Симэнь Бао после его назначения на пост губернатора области Е (глава 22, 4) [5]. Комментаторы и исследователи сходятся во мнении, что она располагалась на стыке совр. пров. Хэнань и Хэбэй, включая южную часть совр. уезда Линьчжанцзюнь 臨漳縣, где и протекает Чжаншуй. Русло же Хуанхэ проходило в 100 км с лишним к югу от области Е [6]. Следовательно, оба сюжета из рассказа о Симэнь Бао противоречат географическим реалиям [7].

Повествование о Дунфан Шо состоит из серии относительно самостоятельных эпизодов, ни один (в отличие от «Дун мин цзи») не датирован.

---

[1] 呂氏春秋 / 高誘注 (Вёсны и осени господина Люя / Коммент. Гао Ю) // 諸子集成 (Корпус философской классики). В 8 т. Пекин, 1988. Т. 6. С. 190—191; переводы: Люйши чуньцю: Весны и осени господина Люя. Дао дэ цзин: Трактат о пути и доблести / Пер. с кит., предисл., примеч. и словарь Г. А. Ткаченко. М., 2001. С. 264—265 (Серия «Философское наследие». Т. 132); The Annals of Lü Buwei: A Complete Translation and Study by John Knoblock and Jeffrey Riegel. Stanford, 2000. P. 391—393.

[2] 史記 / 司馬遷撰. Т. 4. С. 1408; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 4. С. 195.

[3] [前]漢書 / 班固撰. Т. 6. С. 1677.

[4] Единственная из дошедших до нас книг, посвященных периоду Чжаньго (охватывает промежуток времени с 453 по 209 гг. до н. э.). Окончательная редакция принадлежит Лю Сяну, составившему текст (26—8 гг. до н. э.) из нескольких древних летописных и историографических сочинений, которые он сам перечислил в предисловии к основному корпусу книги: *Shaughnessy E. L.* Rewriting Early Chinese Texts. Albany, 2006. P. 2—3; частичный перевод: *Васильев К. В.* Планы Сражающихся царств. Исследования и переводы. М., 1968.

[5] 戰國策集注彙考 / 諸祖耿撰 («Планы Сражающихся царств» со сводными комментариями и обобщениями / Сост. [коммент. и обобщ.] Чжу Цзу-гэн). В 3 т. Нанкин, 1985. Т. 3. С. 1139.

[6] 戰國策集注彙考. Т. 3. С. 1139, примеч. 1.

[7] Даже если Чу Шао-сунь воспроизвел некий локальный простонародный обычай, то жители области Е никак не могли бросать девушек в Хуанхэ.

Разберем начальный абзац:

> Во времена У-ди жил человек из Ци [1] Дунфан-шэн (Учитель Дунфан) по имени Шо, ценил [древние] предания и книги (документы), [особо] любил [конфуцианские] каноны. [О нем] много что узнаешь из речений разных там ученых. Как только Шо прибыл в Чанъань [2], сразу добрался до *гунчэ* и [подал] письмо на высочайшее имя, [а там уже ожидали] использования три тысяч планок с [различными] докладами. Два начальника *гунчэ* только и успевали, что принимать эти документы. Руководитель, во исполнение приказа свыше, поручил [Шо] их оформить, прочитать и поскорее рассортировать, [и он] всего за два месяца всё прочитал. Августейшим указом был назначен [на должность придворного] *лана* и [отныне] постоянно пребывал среди *шичжунов*.
>
> 武帝時，齊人有東方生名朔，以好傳書，愛經術。多所博觀外家之語。朔初入長安，至公車上書，凡用三千奏牘。 公車令兩人共持舉其書，僅然能勝之。人主從上方讀之，止，輒乙其處，讀之二月乃盡。詔拜以為郎，常在側侍中 [3].

Начну с выражения *вай цзя чжи юй* 外家之語. *Вай цзя* есть устойчивое терминологическое сочетание, обозначающее семью (родню) жены. Чу Шао-сунь впервые употребил его в смысле «ученые, не относящиеся к конфуцианской школе», а всё высказывание обозначает, по мнению старых комментаторов «Ши цзи», предания и рассказы, изложенные в сочинениях, отличных от конфуцианской классической литературы [4]. Учитывая, что интерполяции в «Ши цзи» были созданы приблизительно в одно время с произведениями, излагающими легенды о Дунфан Шо как о «маге», логично предположить, что Чу Шао-сунь намеревался как раз их опровергнуть и поведать о Дунфан Шо «историческую правду».

Эпизод прибытия Дунфан Шо в столицу соответствует реалиям того времени. *Гунчэ* — принятая аббревиатура ведомства *гунчэ сымамэнь* (公車司馬門 «Врата для казенного транспорта»), которое занималось сортировкой и предварительной проработкой официальных бумаг (всевозможных докладов, отчетов, рапортов, донесений и т. д.), привозимых в столицу со всей страны [5]. Ведомство со-

---

[1] Из местности, входившей в территорию древнего царства Ци (Циго 齊國, ок. XI в.— 379 г. до н. э.), занимавшего большую часть Шаньдунского п-ва.

[2] Чанъань 長安 — столица империи Ранняя Хань (на месте совр. г. Сиань 西安, пров. Шэньси).

[3] 史記 / 司馬遷撰. Т. 10. С. 3205. Предложенный перевод несколько отличается от его варианта в кн.: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 9. С. 235.

[4] 漢語大詞典 / 羅竹風主編. Т. 3. С. 1159.

[5] *Hucker Ch*. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. P. 290—291.

стояло из четырех «отделений», располагавшихся у четырех главных городских ворот, каждое возглавляли два «начальника» (*лин* 令), лично занимавшиеся обработкой поступивших документов. О дальнейшей судьбе письма Дунфан Шо умалчивается. Чу Шао-сунь, что примечательно, объясняет назначение Дунфан Шо на придворную должность исключительно его умением работать с документацией, что серьезно расходится с версией из «Ле сянь чжуань».

Шичжун (侍中 «обслуживающий середину», т. е. дворец) [1] есть общее название чиновников из центральных правительственных структур, допущенных быть личными советниками монарха [2]. Говоря, что Дунфан Шо, будучи *ланом*, постоянно находился среди *шичжунов,* Чу Шао-сунь подчеркивает его неформальную близость к императору. О том, как Дунфан Шо воспользовался августейшим фавором, сказано в следующем эпизоде [3]. Став неизменным участником придворных пиров, он в конце трапезы клал за пазуху мясо и уходил, нисколько не заботясь о том, что его одежда оказывалась запачканной. Каждый год брал себе в жены одну из лучших девушек Чанъани, а через год отпускал, отдав ей полученное за год жалованье и подаренные ценности. Придворные открыто говорили, что считают его безумным (*куан* 狂), в ответ на что он заявил:

> Такие, как [я] Шо и другие, можно сказать скрываются от [суетного] мира при дворе. [Подобно тому, как] люди в древности скрывались от мира в глуби гор.
>
> 如朔等，所謂避世於朝廷閒者也。古之人、乃避世於深山中.

А через некоторое время исполнил во время пиршественного застолья (в состоянии изрядного подпития) песенку-экспромт:

> Погружаясь-утопая в вульгарном,
> Скрываюсь от мира [у] Ворот Золотых коней.
> В дворцовых чертогах можно полностью скрыться от мира,
> Зачем обязательно таиться в горах,
> Под крышей [из] конопляной [соломы]?
>
> 陸沈於俗
> 避世金馬門
> 宮殿中可以避世全身
> 何必深山之中
> 蒿盧之下.

---

[1] *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. С. 239.

[2] 蔣天樞. 楚辭論文集 (*Цзян Тянь*-шу. Сборник статей о чуских строфах). Сиань, 1982. С. 201—202.

[3] 史記 / 司馬遷撰. Т. 10. С. 3205; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 9. С. 235.

Чунь Шао-сунь специально пояснил, что «Воротами Золотых коней» (Цзиньмамэнь 金馬門) образно называлось здание, где обитали придворные евнухи [1], оставив читателя недоумевать о причинах причастности Дунфан Шо к месту обитания скопцов. Приблизительно в середине I в. до н. э. было основано структурное подразделение императорской библиотеки под названием «Цзиньма» (金馬 «Золотой / Металлический конь») [2]. Посему в дальнейшем «Цзиньмамэнь» воспринимали в качестве указания на «Цзиньма» (государственное учреждение) и усматривали в песенке Дунфан Шо формулировку идеи «отшельничества при дворе» (*чао инь* 朝隱), провозглашающую право человека обладать полной духовной свободой в любой жизненной ситуации [3].

Следующий и весьма пространный эпизод [4] посвящен участию Дунфан Шо в придворной дискуссии, показывая его человеком, обладающим эрудированностью, умом, идейно-политическими взглядами и владеющим приемами ораторского искусства, хотя все эти качества и способности не производят впечатление выдающихся.

Предпоследний эпизод [5]: на заднем дворе загородного дворца Цзяньчжангун 建章宫 появилось некое существо, похожее на лося. У-ди лично отправился посмотреть на него, но никто из сопровождавших его эрудитов не смог определить, что это такое. Обратились за помощью к Дунфан Шо. Тот сначала потребовал поднести ему хорошего вина и хорошей закуски, а вдобавок еще и пожаловать земельный участок в несколько *цинов*, и лишь затем пояснил, что во дворце объявился *цзоуя* (鄒牙 «всадники-зубы») — предвестник перехода на сторону китайского императора чужеземных племен. Через год пришли и сдались сто тысяч поданных «царя *сюнну*». У-ди щедро одарил Дунфан Шо деньгами и ценностями. Создается впечатление, что и этот эпизод призван показать не столько глубину познаний Дунфан Шо в области «чудесного», сколько его своеволие и корыстность (требование угощения и земельного пожалования).

Повествование завершается коротким рассказом о предсмертном обращении Дунфан Шо к У-ди с просьбой удалить от себя клеветников [6], что вызвало немалое удивление монарха: «Неужели даже сейчас Дунфан Шо может произносить столь доброжелательные слова?!»

---

[1] По бокам от входа в него стояли парные статуи коней из позолоченной бронзы.

[2] *Кроль Ю. Л.* Сыма Цянь — историк. М., 1970. С. 292—293.

[3] *Кравцова М. Е.* Поэзия вечного просветления: Китайская лирика второй половины 5—начала 6 века. СПб., С. 102—103.

[4] 史記. Т. 10. С. 3206—3207; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 9. С. 236—237.

[5] 史記. Т. 10. С. 3207; *Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. 9. С. 237—238.

[6] 史記. Т. 10. С. 3208; *Сыма Цянь*. Указ. соч. Т. 9. С. 238.

Очевидно, что Чу Шао-сунь рисует образ человека не столько умного и остроумного, сколько хитрого, тщеславного, эгоистичного, корыстолюбивого, своевольного и сумасбродного, по непонятным причинам пользовавшегося расположением монарха. Даже если Чу Шао-суню было что-то ведомо о происходившем при дворе У-ди, его повествование производит впечатление литературного эскиза, преследующего главную цель — дезавуировать ореол Дунфан Шо как «мага».

Совершенно в ином облике Дунфан Шо предстает в упомянутой выше гл. 65 «Хань шу» — «Дун фан шо чжуань» (東方朔傳 «Жизнеописание Дунфан Шо») [1]. Выделив его жизнеописание в самостоятельную главу, Бань Гу приравнял Дунфан Шо к таким выдающимся личностям Ранней Хань, как Сыма Цянь, великий поэт Сыма Сян-жу (司馬相如, ок. 179—ок. 117 до н. э.) и философ Дун Чжун-шу (董仲舒, ок. 179—ок. 104 г. до н. э.) [2]. Забегая вперед, сразу же предупрежу, что каких-либо намеков на ипостась Дунфан Шо как «мага» в «Хань шу» нет. Предположим, что это лишь свидетельствует о ложности версии о «Хань у гу ши» Бань Гу.

«Жизнеописание Дунфан Шо» было сразу признано главным источником о нем как об историческом лице. Так, Ин Шао (應劭, ум. 202), посвятивший Дунфан Шо отдельный подраздел гл. 2 «Чжэн ши» (正失 «Правильно поступавшие и допускавшие ошибки [личности]») своего фундаментального сочинения «Фэн су тун и» (風俗通義 «Проникновенный смысл нравов и обычаев») [3], вначале излагает простонародные (*су* 俗) легенды о нем [4], а затем апеллирует к «Хань шу». «Жизнеописание Дунфан Шо» почти целиком (с незначительными купюрами) воспроизведено в качестве «основного жизнеописания» (*бэнь чжуань* 本傳) в заключительной части «Дун фан да чжун цзи» (東方大中集 «Собрание сочинений Дунфан [Шо, вельможи] великой середины») вошедшего в свод (цз. 5) Чжан Пу [5]. На него же Чжан Пу ссылается в «послесловии» (*ти цы* 提辭) к этому собранию сочинений [6]. «Жизнеописание» по-прежнему служит пер-

---

[1] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2841—2876; перевод: *Watson B*. Courtier and Commoner in Ancient China. P. 79—106.

[2] Жизнеописания образуют главы 57 и 65, соответственно.

[3] 風俗通義校注 / 漢應劭撰; 王利器校注 («Проникновенный смысл нравов и обычаев»: выверенный текст с комментариям / Сост. ханьский Ин Шао; выверил и коммент. Ван Ци-ли). В 2 т. Пекин, 1981. Т. 1. С. 108—114.

[4] В том числе представления о том, что Дунфан Шо был духом (*цзин* 精) Звезды Тайсин (Венеры), ниспосланным в земной мир, чтобы стать мудрым советником государя, — еще одна небезынтересная деталь его образа как «мага».

[5] 漢魏六朝三百名家集 / 明張溥輯. Т. 1. С. 78—103.

[6] Комментированное издание: 漢魏六朝三百名家集題辭注 / 張浦者，殷孟倫注 (Послесловия из «Собрания сочинений трехсот прославленных литераторов Хань,

воисточником для исследований жизни и творчества исторической ипостаси Дунфан Шо и с той или иной степенью подробности перелагается во всех библиографических очерках о нем [1].

Незыблемость авторитета Бань Гу как ученого-историка обеспечена, в первую очередь, тем обстоятельством, что, собирая материалы для «Хань шу» (по специальному августейшему повелению: указы от 64-го, 65-го гг.), он состоял в штате императорской библиотеки (Ланьтай 蘭臺 «Башня орхидей») и имел доступ к государственным архивам (Мишу 秘書 «Потаенные документы») [2]. Как бы серьезно в начале 20-х гг. н. э. ни пострадал библиотечный фонд, накопленный к концу Ранней Хань [3], в нем, безусловно, сохранились подлинные рукописи и документы. Тем не менее определенная толика литературного вымысла в «Жизнеописании Дунфан Шо» присутствует [4], и эта «толика» оказывается намного значительнее, чем принято считать.

«Жизнеописание» состоит из многочисленных и разрозненных эпизодов, перемежаемых текстами произведений Дунфан Шо (см. далее), большинство из них датированы и соотнесены с определенными историческими событиями [5]. Сделав Дунфан Шо их свидетелем или непосредственным участником, Бань Гу доказывает его близость к У-ди и значимость его роли в придворной жизни того времени, то есть фактически прибегает к тому же литературному приему, что и Го Сянь («Дун мин цзи»).

Начальная строка «Жизнеописания»: «Дунфан Шо, второе имя Мянь-цян, уроженец [области] Пинъюань, [местности] Яньцы», — объединяет сведения из «Ле сянь чжуань» и «Дун мин цзи», окончательно превращая их в биографические реалии. О происхождении Дунфан Шо и его жизни до прибытия в столицу умалчивается. Далее сообщается, что он прибыл в Чанъань, откликнувшись на

Вэй и Шести династий» с комментариями / Автор [свода] Чжан Пу; коммент. Инь Мэн-луня). Пекин, 1981. С. 10—13.

[1] Прежде всего: 龔克昌. 東方朔評傳; *Loewe M. A*. Bibliographical Dictionary of the Qin. P. 73—75.

[2] 陳其泰，趙永春。班固評傳 (*Чэнь Ци-тай*, *Чжао Юн-чунь*. Критическое жизнеописание Бань Гу). Нанкин, 2002. С. 422.

[3] Это случилось при захвате Чанъани повстанцами, выступившими против Ван Мана (王莽, 45 до н. э.—23 н. э.), низложившего правящий дом Хань и основавшего собственную династию (Синь 新 8/9—25). Здания императорской библиотеки были разрушены, фонды разорены, часть рукописей сгорела. См.: *Wylie Ar*. Notes on Chinese Literature. Shanghai, 1867. Repr. New York, 1964. P. XIV.

[4] *Loewe M*. A Bibliographical Dictionary of the Qin. P. 73.

[5] Далее я не буду подробно на них останавливаться по причине необходимости пространного экскурса в сами эти события.

указ У-ди, приглашающий к участию в делах управления страною всех «мужей Поднебесной, кто мудр, добродетелен и обладает познаниями и талантами в литературном творчестве» [1]. Когда именно сие случилось, тоже не оговаривается. Но из гл. 6 «У ди цзи» (武帝紀 «Записи [о правлении] императора У») известно, что в 10-ю луну первого года под девизом Цзянь-юань, почти сразу после вступления У-ди на трон, был обнародован указ, содержащий предписание представителям центральных и местных административных органов разыскивать таких личностей для их рекомендации на службу [2]. Логично предположение, что Бань Гу имел в виду именно этот указ, а значит — Дунфан Шо прибыл в столицу в течение 140 г. до н. э. [3], что подозрительно совпадает с датой (139 г. до н. э) его явления перед У-ди, указанной в «Дун мин цзи». В то время ему исполнилось, предположительно, 22 или 23 года (см. ниже).

Дунфан Шо подал письмо на высочайшее имя (текст приведен), и оно как-то (как именно, не оговаривается) попало к У-ди. Ознакомившись с письмом, монарх сделал Дунфан Шо *дайчжао гунчэ* 待詔公車, а после личной беседы с ним — *дайчжао цзиньмамэнь* 待詔金馬門 [4]. Как *дайчжао* (букв.: ‘ожидающий приказа’) при Хань обозначали человека, находящегося на службе, либо (и чаще) — ожидающего назначения на должность [5]. В таком же смысле в официальном книжном языке употребляли сочетание *дайчжао гунчэ*, включая некоторые главы «Хань шу» [6]. То, что У-ди отметил кандидатуру Дунфан Шо для будущих назначений, отвечает принятой процедуре отбора чиновников. Тем не менее возобладало предположение Янь Ши-гу (彥師古, 581—645), одного из самых авторитетных комментаторов «Хань шу», что *дайчжао гунчэ* здесь является редким названием должности помощника руководителя ведомства *гунчэ* [7]. Янь Ши-гу усмотрел скрытую аллюзию на повествование Чу Шао-суня? Видимо, да, ибо должность *дайчжао цзиньмамэнь* («ожидающий приказа у Ворот Золотых коней») в принятой при

---

[1] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2841; *Watson B*. Courtier and Commoner in Ancient China. P. 81—82.

[2] [前]漢書 / 班固撰. Т. 1. С. 155—156; см. также: *Бань Гу*. Хань шу («История Хань»). Т. 1. Хроники правления императоров (Ди цзи) / Пер. с кит., коммент., вступ. статьи и прил. В. В. Башкеева, М. Ю. Ульянова. М., 2021. С. 221—222.

[3] 孫東臨，楊三秋. 東方朔年譜簡表. С. 167; 龔克昌. 東方朔評傳. С. 169.

[4] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2842, 2843.

[5] *Hucker Ch*. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. P. 475.

[6] 漢語大詞典 / 羅竹風主編. Т. 3. С. 944.

[7] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2842, примеч. 2. На комментарий Янь Ши-гу опирается и версия, что Дунфан Шо проработал в ведомстве *гунчэ* около года: 龔克昌. 東方朔評傳. С. 169.

Хань чиновничьей номенклатуре отсутствует. Современные исследователи допускают назначение Дунфан Шо в государственное учреждение «Цзиньма» [1], но оговорка Бань Гу, что он «постепенно обретал родственную близость [к монарху]» (稍得親近), усиливает подозрение на заимствование из «Ши цзи» и попытку Бань Гу превратить якобы чиновничью должность в своего рода эвфемизм, передающий августейший фавор.

В 138 г. до н. э. (третий год под девизом Цзянь-юань) Дунфан Шо вошел в свиту У-ди, сопровождавшую монарха в его поездках (инкогнито) по стране [2]. У-ди, впечатленный красотами посещенных им местностей, задумал создать гигантский парковый ансамбль, включающий и охотничьи угодья, — парк Шанлинь (Шанлиньюань 上林苑 «Парк Высочайшего леса»). В него должны были войти обширные земли, что лишило бы тысячи крестьянских семей места их проживания и нанесло бы огромный вред всей экономике страны. Дунфан Шо был единственным из окружения У-ди, кто осмелился выступить против этого проекта и открыто изложил свою позицию в докладе на высочайшее имя (текст доклада приводится) [3]. У-ди, не отказавшийся от планов создания Шанлинь, тем не менее поощрил Дунфан Шо возвышением до уже знакомой нам должности *тайчжун дафу* («вельможа высшей середины») и до *цзишичжуна* (結事中 «срединный податель дел») [4]. Пребывание Дунфан Шо в статусе «вельможи высшей середины» признано историческим фактом, и, начиная с «Фэн су тун и» [5], эта должность считается высшим достижение его официальной карьеры. *Цзишичжун* — исходно (при империи Цинь) было общим названием особо приближенных к императору придворных чиновников, при Хань же превратилось в подобие почетного звания для особо отличившихся сановников [6]. Итак, менее чем за два года пребывания при дворе молодой Дунфан Шо достигает более чем впечатляющих карьерных высот. Если это было действительно так, то, во-первых, как мог Сыма Цянь умолчать о таком высокопоставленном сановнике? И, во-вторых, почему в ходе дальнейшего рассказа о Дунфан Шо эти должности словно бы исчезли?

---

[1] 孫東臨，楊三秋. 東方朔年譜簡表. С. 167.

[2] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2847—2851; *Watson B*. Courtier and Commoner in Ancient China. P. 83—87.

[3] В дальнейшем данный доклад стал известен под названием «Цзянь ци шан линь юань шу» (諫起山林苑疏 «Докладная записка с порицанием создания Парка Высочайшего леса»).

[4] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2851.

[5] 風俗通義校注. Т. 1. С. 111.

[6] *Hucker Ch*. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. P. 133.

Несколько позже 138 г. до н. э. состоялось состязание между Дунфан Шо и актером Го-шэжэнем, тогдашним любимцем У-ди, — один из самых выразительных с художественной точки зрения эпизодов, в котором Дунфан Шо показан во всем блеске своего остроумия, язвительности, а также как непревзойденный мастер разгадывания игровых шарад [1]. Го-шэжэню посвящено, напомню, и одно из повествований Чу Шао-суня. Оно сводится к рассказу о бывшей кормилице У-ди — матушке Хоу (Хоу-му 侯母) из Дунъу 東武 [2]. Взойдя на трон, У-ди повелел обеспечить ее содержание для дальнейшего проживания в столице. Но домочадцы и слуги Хоу-му, уверенные в августейшем покровительстве, занялись бесчинствами — вплоть до нападения на богатых горожан: вытаскивали их из повозок, срывали с них одежду. Против них открыли уголовное дело, чиновники обратились к императору с просьбой выселить домочадцев матушки Хоу из столицы. Их требование удовлетворили, саму кормилицу вызвали на заседание суда и огласили высочайший вердикт. Го-шэжэнь посоветовал матушке Хоу испросить аудиенцию у государя. У-ди ее принял, и присутствующий при их встрече Го стал настолько грубо срамить матушку, что монарх, проникнувшись жалостью к разрыдавшейся от незаслуженной обиды женщине, дозволил ей с домочадцами остаться в столице (при условии строгого наказания непосредственно виновных).

Кроме повествования Чу Шао-суня и «Жизнеописания Дунфан Шо», о Го-шэжэне упоминается всего единожды: в гл. 5 сборника «Си цзин цза цзи» (西京雜記 «Разные записки о Западной столице», цз. 5) [3] — как об искусном игроке в *моуху* (投壺 «метание стрел в вазу») [4]. В сборнике есть и запись (гл. 2) о некоем конфликте (без уточнения его причин) между У-ди и его кормилицей (имя не названо). Император вознамерился предать ее казни, заступни-

---

[1] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2844—2845; *Watson B*. Courtier and Commoner in Ancient China. P. 81—83.

[2] Мнения комментаторов по поводу этой женщины расходятся: 史記 / 司馬遷撰. Т. 1. С. 204, примеч. 1, 2; см. также: *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 9. С. 475, примеч. 32. Не исключают, что она была дальней родственницей Го-шэжэня, что придает дополнительную порочность его поведению по отношению к ней.

[3] Хотя этот сборник чаще всего приписывают Гэ Хуну, не исключено, что изначальный материал для него был подготовлен Лю Синем (劉歆, 46 г. до н. э.— 23 н. э.), сыном Лю Сяна, и в нем нашли отражение легенды и представления о различных лицах, циркулировавшие в конце Ранней Хань: *Алимов И. А*. Сад удивительного. С. 468—471.

[4] 西京雜記全譯 / [晉]葛洪集。 成林，程章燦譯注 («Разные записки о западной столице» с полным переводом на [на совр. кит. яз.] / Собрал [цзиньский] Гэ Хун; пер. и коммент. Чэн Линя и Чэн Чжан-цаня). Гуйян, 1993. С. 187.

ком выступил Дунфан Шо [1]. Возможно, Го-шэжэнь был историческим лицом, но подлинных сведений о нем сохранилось настолько мало, что остается даже непонятным, является ли сочетание «шэжэнь» именем собственным (Го Шэ-жэнь) [2], либо же оно употреблено в значении социально-административного термина — «домочадец» [3], так в древности обозначали лиц, находившихся при дворе [4]. Тематическое же разнообразие легенд о Го-шэжэне позволяет рассматривать его образ в качестве литературного персонажа.

Дунфан Шо с легкостью взял верх над Го-шэжэнем, и восхищенный монарх сделал его *чаншиланом* (常侍郎, «постоянно сопровождающий служитель») [5]. А ведь так при Хань обозначали всего лишь одну из многочисленных групп придворных чиновников, которые могли рассчитывать на повышение [6]. По сравнению с *тайчжун дафу* и *цзишичжуном,* такое назначение было почти катастрофическим понижением по службе. Остается предположить, что Бань Гу вымыслил эпизод о тех должностях, чтобы подчеркнуть, насколько высоко У-ди оценил дерзновенную принципиальность Дунфан Шо и литературно-художественные достоинства его доклада.

В «Жизнеописании» приведен лишь один эпизод утраты Дунфан Шо августейшего фавора [7]. За появление во дворце в нетрезвом виде (еще одно заимствование из повествования Чу Шао-суня?) его низложили до «мелкого чиновника» (*ши жэнь* 庶人) [8], но вскоре простили и назначили на должности *чжунлана* и *дайчжао* в штате чиновников, контролирующих евнухов. Оба события, по расчетам исследователей, имели место в 116 г. до н. э. [9] Дунфан Шо мог сочинить «Ци цзянь» во время опалы, сравнивая себя с изгнанным Цюй Юанем; либо, по другой версии, в 106 г. до н. э. (5-й год под девизом Юань-фэн 元封, 110—105 до н. э.), когда он сопровождал У-ди в поездке на юг [10]. Более ни о каких назначениях Дунфан Шо в

---

[1] 西京雜記全譯. С. 47.

[2] *Loewe M. A*. Bibliographical Dictionary of the Qin. P. 141.

[3] *Рыбаков В. М*. Танская бюрократия. С. 193.

[4] *Hucker Ch*. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. P. 417.

[5] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2845.

[6] *Hucker Ch*. A Dictionary of Official Titles in Imperial China. P. 116.

[7] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2852.

[8] Основное значение этого терминологического сочетания — «простолюдин» (Большой китайско-русский словарь. Т. 4. С. 924), но в древнем книжном языке оно означало «мелкого служащего» (*ли и* 吏役): 漢語大詞典 / 羅竹風主編. Т. 3. С. 1234.

[9] 龔克昌.。東方朔評傳. С. 169.

[10] 孫東臨, 楊三秋. 東方朔年譜簡表. С. 168.

«Жизнеописании» не сообщается, из чего следует, что на самом деле он не поднялся выше должности «срединного служителя» [1]. Самым весомым доказательством служат слова Бань Гу о постоянных переживаниях Дунфан Шо, что ему так и не удалось стать «большим сановником» (*да гуань* 大官) и применить себя в подлинно государственных делах [2]. Тем же утверждением открывается и «послесловие» Чжан Пу [3].

Мотивы несостоятельности официальной карьеры остро звучат в прозаических сочинениях Дунфан Шо «Да кэ нань» (答客難 «Отвечаю гостю, затруднившему [меня своими вопросами]») и «Фэй ю сянь шэн лунь» (非有先生論 «Рассуждения Учителя Никто»), тексты которых тоже приведены в «Жизнеописании» [4]. Они пронизаны сентенциями по поводу недооценки нынешними властями, в отличие от государственных деятелей древности, умных и преданных людей. Оба сочинения в дальнейшем были отнесены к шедеврам высокой словесности (*вэнь*) и включены в состав антологии «Вэнь сюань» (цз. 45, 51) [5]. «Да кэ нань» восходит (на что указывает и его местоположение в «Вэнь сюань») к «Дуй чу ван вэнь» (對楚王問 «Отвечаю на вопросы царя Чу») Сун Юя [6], неоспоримо свидетельствуя об интересе Дунфан Шо к древнему чускому литературному творчеству. Одновременно оно зачинает (также по мнению составителей «Вэнь сюань») новую жанровую категорию *вэнь — шэлунь* (設論 «диалоги»). Современные исследователи считают, что «Да кэ нань», находящееся на стыке одической поэзии (*фу* 賦) и художественной прозы (в китайском понимании этого термина), действительно задало «новую форму высокой словесности» (*синь вэньти* 新文體) и оказало значительное влияние на последующее литературное творчество [7].

---

[1] 全漢賦評注. С. 235.

[2] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2863.

[3] 漢魏六朝三百名家集題辭注. С. 10.

[4] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2864—2867, 2868—2872; *Watson B.* Courtier and Commoner in Ancient China. P. 97—100, 100—105. Первое из этих сочинений в «Хань шу» не имеет названия и представляет собой нечто вроде монолога Дунфан Шо. Указанное название за ним закрепилось в дальнейшем.

[5] 文選 / 蕭統選, 李善注 (Избранные произведения изящной словесности / Сост. Сяо Тун, коммент. Ли Шаня). В 2 т. Пекин, 1959. Т. 2. С. 982—988, 1110—1113. Новейшее комментированное издание «Да кэ нань» см. в кн.: 全漢賦評注. С. 236—238.

[6] Открывает гл. 45 «Вэнь сюань»: 文選 / 蕭統選, 李善注. Т. 2. С. 981—982; перевод: «Сун Юй отвечает Чускому князю на вопрос» (В. М. Алексеев): Шедевры китайской классической прозы. Т. 1. С. 40—53.

[7] 全漢賦評注. С. 238—239, 245.

В конце главы приведен список литературных произведений Дунфан Шо [1]. Столь настойчивое акцентирование его литературных дарований также принципиально отличает «Жизнеописание» от всех остальных повествований. Оговорив, что ранее приведены два лучших произведения Дунфан Шо, Бань Гу перечисляет около десятка названий, большинство из которых позволяет предположить (в том числе, комментарии Янь Ши-гу) содержание и время создания произведений. Это: 1) «Фэн тай шань» («Жертвоприношение *фэн* в Тайшань») — о жертвоприношении *фэн шань* (封禪 «запечатывание и очищение») [2], которое У-ди исполнил в 110 г. до н. э. [3]; 2) «Цзэ хэ ши би» (責和氏璧 «Предназначение нефритового диска рода Хэ») — видимо, на тему притчи о драгоценном нефрите, найденном неким чусцем из рода Хэ [4], на которую, что примечательно, впервые для чуских строф сослался автор «Ци цзянь» (стихотворение 3 «Юань ши») [5]; 3) «Хуан тай цзы шэн мэй» (皇太子生禖 «Моление о рождении Августейшего великого сына») — возможно, в честь рождения первенца У-ди в начале 128 г. до н. э. [6]; 4) «Пин фэн» (屏風 «Экран от ветра») — не исключено, что одическое произведение, ибо для Ранней Хань известно несколько од под таким названием, в том числе и созданных поэтами из окружениями Лян-вана (принца Лю У, см. ранее) [7]; 5) «Дянь шан бо чжу» (殿上柏柱«Палаты с возвышающимися кипарисовыми колоннами») — наиболее вероятно, о знаменитой Болянтай (柏梁臺 «Башня Кипарисовых балок»), — в 107 г. до н. э. (третий год под девизом Юань-фэн) У-ди устроил в честь окончания ее строительства грандиозный пир и приказал сво-

---

[1] [前]漢書 / 班固撰. Т. 9. С. 2873; *Watson B*. Courtier and Commoner in Ancient China. P. 105.

[2] Подробно см.: Духовная культура Китая. Т. 2. С. 653—654.

[3] Об этом событии в деталях рассказано в гл. 28 «Фэн шань шу» (封禪書 «Книга о жертвоприношениях фэн и шань» / «Трактат о жертвоприношениях Небу и Земле») «Ши цзи»: 史記 / 司馬遷撰. Т. 4. С. 1396—1398; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 4. С. 183—186.

[4] Впервые она изложена в гл. 13 «Хэ-ши» (和氏 «Из рода Хэ») трактата «Хань Фэй-цзы» (韓非子 «[Сочинение] Учителя Хань Фэя») Хань Фэя (韓非, 280?—233? до н. э.): 韩非子集解 /王先慎著 ([Сочинение] Учителя Хань Фэя с собранием пояснений / Автор [пояснений] Ван Сянь-чжэнь) // 諸子集成. Т. 5. С. 66—68; Хэ нашел в горах драгоценный нефрит, который дважды пытался преподнести чуским царям. Но те сочли самородок простым камнем и жестоко наказали дарителя (вначале ему отрубили правую ногу, затем — левую), после чего Хэ, обливаясь слезами, дополз до вершины горы и зарыл злосчастную находку.

[5] 楚辭補注. С. 245.

[6] 庄春波。漢武帝評傳. С. 541.

[7] *Алимов И. А.*, *Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы. Ч. 1. С. 231, 242, примеч. 57.

им свитским сложить по семисловному (по семь иероглифов в строке) стихотворению по образцу его собственных «Болян ши» (柏梁詩 «Стихи [из башни] Болян») [1]; 6) «Пин лэ гуань фу ле» (平樂觀賦獵 «В [зале] Пинлэ, воспеваю охоту») — название перекликается с записью из главы «У ди цзи» («Хань шу») о том, что летом шестого года под девизом Юань-фэн «жители столицы наблюдали за играми *цзюэди* в зале Пинлэ парка Шанлинь» (京師民觀角抵于上林平樂館) [2]; следовательно, это произведение могло быть создано в 105 г. до н. э; кроме того, в названии термин *фу* употреблен в его древнейшем глагольном значении «воспевать» [3], что было нетипичным для названий ханьских одических произведений и является очередным литературно-художественным экспериментом; 7) «Семь» и «восемь» — сочинения, состоящие из семисловных и восьмисловных строк, либо (по комментарию Янь Ши-гу) еще семь-восемь текстов; 8) «Цун гун сунь хун цзе чэ» (從公孫弘借車 «Вслед за тем, как позаимствовал повозку у Гунсунь Хуна») — письмо к Гунсунь Хуну (公孫弘, 200—121), видному государственному деятелю и мыслителю конфуцианского толка [4]. Перечисленные произведения подтверждают факты пребывания Дунфан Шо в течение нескольких десятилетий в ближайшем окружении У-ди и исполнение им обязанностей придворного поэта. Письмо к Гунсунь Хуну свидетельствует о дружеском общении Дунфан Шо с людьми из высшего властного эшелона.

Вслед за списком произведений Дунфан Шо Бань Гу отмечает, что «все документы [за авторством Дунфан] Шо, занесенные в "Каталог" [Лю] Сяна талантливы; всё, что повествуется в мире о его деяниях, неправда» (凡［劉］向所錄朔書具是矣、世所傳他事皆非也). Вторую часть реплики понимают в смысле ложности авторства Дунфан Шо неких других приписанных ему сочинений [5]. «Каталог Лю Сяна» — его труд «Бе лу» (別錄 «Отдельные записи»), представляющий собой классифицированную опись фонда император-

---

[1] 先秦漢魏晉南北朝詩 / 逯欽立輯校 (Стихотворная поэзия до Цинь, Цинь, Хань, Вэй, Цзинь и Южных и Северных царств / Сост. и выверил [тексты произведений] Лу Цинь-ли). В 3 т. Пекин, 1983. Т. 1. С. 97.

[2] [前]漢書 / 班固撰. Т. 1. С. 198; см. также: *Бань Гу*. Хань шу («История Хань»). Т. 1. С. 253.

[3] *Алимов И. А.*, *Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы. Ч. 1. С. 158—159.

[4] Соратник и единомышленник Дун Чжун-шу, в годы под девизом Юань-шо (元朔 129—123 до н. э.) был назначен на пост *чэнсяна* (丞相 «помогающий сподвижник»), одну из трех высших правительственных должностей: 史記辭典 / 倉修良主編. С. 88.

[5] *Watson B*. Courtier and Commoner in Ancient China. P. 105.

ской библиотеки, накопленного к концу Ранней Хань. Опись доработал Лю Синь (сын Лю Сяна), создав труд «Ци люэ» (七略 «Семь подразделений»), закрепивший библиографическую классификацию из семи основных категорий и содержащий краткое описание сочинений 596 авторов общим объемом в 3390 книжных свитков (*цзюань*). Оригинал «Ци люэ» не сохранился, но его использовал Бань Гу, расширив содержавшуюся там информацию до сочинений общим объемом в 13269 свитков [1] и создав «И вэнь чжи» (藝文志 «Трактат о канонах и книжной словесности») [2], вошедший в «Хань шу» (гл. 30). «И вэнь чжи» распадается на шесть «отделов» (*люэ* 略), каждый содержит несколько подразделов (рубрик): 1) «Лю и люэ» 六藝略 («Отдел шести канонов»), куда внесена конфуцианская каноническая литература; 2) «Чжу цзы люэ» (諸子略 «Отдел философских [сочинений]»), —труды (в основном трактаты) мыслителей различных школ и направлений; 3) «Ши фу люэ» (詩賦略 «Отдел стихотворной и одической поэзии»); 4) «Бин шу люэ» (兵書略 («Отдел книг/документов о военном деле/искусстве»); 5) «Шу и люэ» (數術略 «Отдел [сочинений по] исчислениям») [3]; 6) «Фан цзи люэ» 方技略 («Отдел врачевания») [4]. В первом (из двух) подразделе «Ши фу люэ» — «Ши фу» (詩賦 «Поэзия *фу*»), начинающемся сведениями о числе произведений Цюй Юаня и Сун Юя, названы в общей

---

[1] Информация о каталогах Лю Сяна, Лю Синя и Бань Гу приведена в начале библиографического трактата «Цзин цзи чжи» (經籍志 «Трактат о канонах и книжных собраниях») из официального историографического сочинения (гл. 32—35) «Суй шу» (隋書 «Книга о Суй»): 隋書 / [唐] 魏徵等撰 (Книга о Суй / Сост. [танские] Вэй Чжэн и другие). В 6 т. Пекин, 1982. Т. 4. С. 906; см. также: 陳其泰，趙永春。班固評傳. С. 356—367; *Меньшиков Л. Н.* Из истории китайской книги. СПб., 2005. С. 67—71. «Книга о Суй», составленная в 621—636 гг., посвящена истории империи Суй (隋 581—617), но вошедший в нее библиографический трактат содержит информацию о книжных фондах императорских библиотек с III по конец VI в.

[2] [前]漢書 / 班固撰. Т. 6. С. 1747–1756. В отечественной синологической литературе наиболее принят вариант перевода названия трактата «Искусства и изящная словесность», см. например: *Лисевич И. С.* Мозаика древнекитайской культуры: Избранное. М., 2010. С. 431. По утверждению ханьских комментаторов, термин *и* (藝 «искусство») мог употребляться в качестве синонима *цзин* (經 «канон») как обозначения конфуцианских канонических книг, а под *вэнь* понимали всю книжную словесность: 張舜徽. 《漢書藝文志》通釋 («Трактат о канонах и книжной словесности» из «Книги о Хань» с комплексными пояснениями). Ухань, 1990. С. 1.

[3] Охватывает сочинения математического характера и содержащие знания по религиозным представлениям, календарю, космологии и гадательным практикам.

[4] Медицинская литература и сочинения, представляющие протодаосскую традицию, связанную с обретением бессмертия.

сложности 88 литераторов, создавших 1184 *фу* [1]. Имя Дунфан Шо здесь отсутствует. В подразделе 8 «Цза цзя» (雜家 «[Сочинения] различных мыслителей») «Отдела философских [сочинений]» зафиксировано, что имелось 20 его произведений (*пянь* 篇), но без уточнения их жанровой принадлежности [2]. Современные исследователи убеждены в том, что в их число входили произведения, приведенные и названные в «Жизнеописании» [3]. Однако местоположение записи означает, что в творческом наследии Дунфан Шо должны были превалировать тексты философского характера. Сведения из «И вэнь чжи» и отсутствие в «Жизнеописании» упоминания о «Ци цзянь» служат основными аргументами при оспаривании авторства Дунфан Шо. Однако имелось и «Хань тай чжун да фу дун фан шо цзи» (漢太中大夫東方朔集 «Собрание сочинений Дунфан Шо, вельможи высшей середины [эпохи] Хань») в двух книжных свитках [4], которое совершенно точно просуществовало до конца эпохи Тан [5] и было утрачено, вероятнее всего, в эпоху Удай шиго (五代十國, Пять династий / государств и десять царств, 907—960), очередной период административно-территориальной раздробленности страны. Собрание сочинений (*цзи* 集) по определению включало в себя любые произведения, относящиеся к высокой художественной словесности, что мы и видим в собраниях сочинений из свода Чжан Пу. Непосредственно в «Хань тай чжун да фу дун фан шо цзи» входят: «Ци цзянь» (в формате цикла); «Цзянь ци шан линь юань шу»; письмо на высочайшее имя под названием «Ин чжао шан шу» (應召上書 «Письмо на высочайшее имя в ответ на императорское волеизъявление»), что, как понятно, намекает на соответствующий эпизод из «Хань шу»; фрагменты трех эпистол: «Юй гун сунь шу» («Письмо к Гуньсунь Хуну» 與公孫弘書), «Цун гун сунь хун

---

[1] [前]漢書 / 班固撰. Т. 6. С. 1747—1753; 張舜徽. 《漢書藝文志》通釋. С. 204—226. Во втором подразделе — «Гэ ши» (歌詩 «Поэзия / Стихи [для] пения» или «Песни и стихи»), приведены сведения преимущественно об анонимном песенном фольклоре.

[2] [前]漢書 / 班固撰. Т. 6. С. 1741.

[3] 張舜徽. 《漢書藝文志》通釋. С. 186.

[4] Зафиксировано в «Суй шу» («Цзин цзи чжи», гл. 35): 隨書 / [唐] 魏徵等撰. Т. 4. С. 1056. Ни состав, ни время создания не уточнены. Однако велика вероятность, что оно дошло от эпохи Хань, в противном случае был бы указан его составитель.

[5] Зафиксировано в библиографических трактатах «Цзин цзи чжи» из «Цзю тан ши» (舊唐書 «Старая книга о Тан», гл. 47) и «И вэнь чжи» из «Синь тан шу» (新唐書 «Новая книга о Тан», гл. 60): 舊唐書 / 劉昫等撰 (Старая книга о Тан / Сост. Лю Сюй и др.). В 16 т. Пекин, 1975. Т. 6. С. 2053; 新唐書 / [宋] 歐陽修等撰 (Новая книга о Тан / Сост. [сунские] Оуян Сю и др.). В 20 т. Пекин, 1975. Т. 5. С. 5328.

цзе чэ ма шу» (從公孫弘借車馬書 «Письмо к Гунсунь Хуну, [написанное] вслед за тем, как позаимствовал [у него] повозку с конем / лошадьми») [1], «Юй ю жэнь шу» (與友人書«Письмо к другу»), фрагмент (11 строк), где говорится о разочаровании в суетной жизни и о желании оказаться на чудесных островах бессмертных; «Ши чжоу цзи сюй» (十洲記序 «Предисловие к "Запискам о десяти сушах"»); «Фэй ю сянь шэн лунь», «Да кэ нань» и фрагмент (видимо, тоже произведения диалогического характера) «Да пяо ци нань» (大驃騎難 «Отвечаю, [офицеру?] стремительной конницы, затруднившему [меня своими вопросами]»); фрагмент «Хань сун» (旱頌 «Гимн засухе») — весьма странное, нельзя не признать название, ибо все 12 его сохранившихся строк эмоционально и выразительно живописуют бедственные последствия засухи [2]; «Бао вэн мин» (寶甕銘 «[Для] надписи на драгоценном керамическом сосуде») в пять строк — тоже необычное название, учитывая, что как *мин* (銘 «памятная надпись») обычно обозначались тексты для эпиграфики на камне или металлических предметах (колокола, оружие, сосуды); два стихотворения: песенка из повествования Чу Шао-суня под названием «Цзюй ди гэ» (據地歌 «[Сидя на циновке и] опираясь рукой на землю»), «Цзе ши» (誡詩«Стих с предупреждением», см. далее) и фрагмент «Цзе бо и» (嗟伯夷 «Вздыхаю о Бо И») — всего четыре строки, но варьирующие поэтический размер чуских строф. В своде Янь Кэ-цзюня (嚴可均, 1762—1843) к ним добавлены [3]: «Хуа минь ю дао дуй» (化民有道對 «Отвечая [на вопрос], как изменить народ, [чтобы у него] появился [истинный] путь») — извлечен из текста «Хань шу»; две строки «Дуй чжао» (對詔 «Отвечая на августейшее волеизъявление»), процитированные в комментарии Ли Шаня (李善, ум. 689) к «Вэнь сюань» (цз. 12) — еще одно подтверждение бытования собрания сочинений Дунфан Шо и популярности его литературного творчества в эпоху Тан; «Лин чжун цзань тянь цзы» (臨終

---

[1] Добавлен фрагмент «Гун сунь хун да дун фан шо шу» (公孫弘答東方朔書 «Ответ Гунсунь Хуна на письмо Дунфан Шо»), свидетельствующий о прочности их дружеских связей.

[2] Введение в название произведения Дунфан Шо термина *сун* (頌 «гимн», «славословие») оказывается еще более непонятным, если принять версию, что это произведение было создано на ту же тему, что и «Хань юнь фу» (旱雲賦 «Ода о тучах без дождя») Цзя И (全漢賦評注. С. 234). Та ода была посвящена событиям 171 г. до н. э.: трижды небо затягивали грозовые тучи, но дождя так и не было, народ страдал от затянувшейся засухи. Попутно Цзя И размышляет о взаимосвязях жизни человеческого общества, принципов государственного правления и природных процессов: 賈誼集校注. С. 421—426.

[3] 全上古三代秦漢三國六朝文 / 嚴可均選 (Полное собрание литературы [начиная] с глубокой древности, Трех первых эпох, Цинь и Хань, Троецарствия и Шести государств / Сост. Янь Кэ-цзюнь). В 4 т. Пекин, 1987. Т. 1. С. 262—268.

諫天子 «Предсмертное увещевание Сына Неба») из восьми строк, воспроизводящих обращение Дунфан Шо к У-ди, как его привел Чу Шао-сунь; фрагмент в шесть строк «Инь чжэнь лунь» (隱真論 «Рассуждения о совершенном [человеке], скрывшемся от мира»), перелагающий теорию космогенеза и доказывающий познания Дунфан Шо в натурфилософских представлениях; серия фрагментов (включая стихотворные), относящихся, по разысканиям Янь Кэ-цзюня, к прозаическому сочинению «Цзе цзы» (誡子 «Увещевания»). Кроме того, письмо на высочайшее имя — озаглавлено здесь «Шан шу цзы цзянь» (上書自薦 «Письмо на высочайшее имя о самовыдвижении»). Среди сохранившегося стихотворного наследия Ранней Хань еще обнаружили строку с эвфонической частицей *си* [1].

Уцелевшее литературное наследие Дунфан Шо подтверждает его способность творить в различных жанрах высокой художественной словесности, склонность к разного рода формальным и содержательным экспериментам, а также его увлечение оккультными знаниями. Однако нет весомых оснований считать его одним из ведущих придворных литераторов времен правления У-ди, каковым его стремился показать Бань Гу.

И, наконец, о смерти Дунфан Шо в «Жизнеописании» умалчивается. Уместно оговорить, что наиболее принятая дата (93 г. до н. э.) сегодня вызывает бурные дискуссии и считается неизвестно кем и как вычисленной [2]. Исследователи сходятся во мнении, что Дунфан Шо умер незадолго до кончины У-ди, как это оговорено в «Хань у гу ши», жизнеописании из «Тай пин гуан цзи» и повествовании Чу Шао-суня, и предлагают — через соотнесение тех или иных эпизодов о нем с историческими событиями — датировать его смерть в диапазоне 91—87 гг. до н. э., либо 90 г. до н. э. или 88—87 гг. [3], все версии равно гипотетичны.

Итак, «Жизнеописание Дунфан Шо» Бань Гу тоже оказывается в большей степени литературным произведением, нежели историческим документом, и в нем явно задействованы сведения из других повествований о Дунфан Шо. Созданный там литературный портрет — язвительного остроумца, человека, обладающего широчайшей эрудицией, твердыми моральными устоями, принципиальностью, имевшего смелость противоречить самому монарху, но так и не получившего должного августейшего признания, — превратил Дунфан Шо в яркую и притягательную личность.

---

[1] 先秦漢魏晉南北朝詩 / 逯欽立輯校. Т. 1. С. 100.

[2] 胡春潤. 東方朔生卒靠. С. 74.

[3] Там же; 孫東臨，楊三秋. 東方朔年譜簡表. С. 169; 龔克昌. 東方朔評傳. С. 172—173, соответственно.

В завершение размышлений об образе Дунфан Шо проанализируем его «Письмо на высочайшее имя» [1].

> Ничтожный слуга [Вашего величества] Шо рано потерял отца и мать [2], [меня] вырастили старший брат и его жена. В тринадцать лет [приступил к] изучению книг и за три зимы научился использовать почерпнутые из них литературные [навыки] и исторические [сведения] [3]. В пятнадцать лет научился, как рубить мечом, в восемнадцать лет изучил «Документы» и «Стихи», выучив наизусть двести двадцать тысяч слов. В девятнадцать лет изучил законы военного дела, [изложенные в сочинениях] Суня и У, [усвоил] лучшие боевые порядки, учение [о наступлении под сигналы] гонга и [отступлении под бой] барабанов, выучив наизусть еще двести двадцать тысяч слов, всего же ничтожный слуга Шо твердо выучил наизусть четыреста сорок тысяч слов. А еще неукоснительно следовал словам Цзы-лу. Ничтожный слуга Шо в двадцать два года вырос до девяти *чи* и трех *цуней,* глаза, как висящие жемчужины, зубы, как снизанные раковины, бесстрашен, как Мэн Бэнь, проворен, как Цин-цзи, честен (бескорыстен), как Бао Шу, верен, как Вэй-шэн. А потому смогу стать великим слугою Сына Неба. Ничтожный слуга Шо, понимая, что заслуживает смертной [казни], уповает быть услышанным.
>
> 臣朔少失夫母，長養兄嫂. 年十三學書，三冬文史足用. 十五學擊劍。十六學書詩，誦二十二萬言。十九學孫吳兵法，戰陳之具，鉦鼓之教，亦誦二十二萬言、凡臣朔固已四十四萬言。又常服子路之言。臣朔年二十二，長九尺三寸，目若懸珠，齒若編貝，勇若孟賁，捷若慶忌，廉若鮑叔，信若尾生。若此，可以為天子大臣矣. 臣朔昧死而以拜聞.

Слова о раннем сиротстве отчасти совпадают со сведениями из «Дун мин цзи» и «Хуань у гу ши», тогда как о своем происхождении (примечательный нюанс) Дунфан Шо умалчивает. «Двадцать два года» нередко принимают за указание его возраста в момент прибытия в столицу и высчитывают вторую дату его рождения — ок. 160—161 г. до н. э. [4] В этом случае он достиг высот официальной карьеры в возрасте всего 24—25 лет, что дополнительно заставляет усомниться в правдоподобии сведений о его назначениях на посты *тайчжун дафу* и *цзишичжуна.*

---

[1] Приведено также в «Фэн су тун и» (風俗通義校注. Т. 1. С. 111), где снабжено современными комментариями.

[2] Согласно варианту из «Фэн су тун и» — «в двенадцать лет потерял отца».

[3] По комментарию Янь Ши-гу («Хань шу»), бедные сироты занимались самообразованием именно в зимние дни, когда были свободны от других работ.

[4] 龔克昌.。東方朔評傳. С. 169. Этой дате отдают предпочтение некоторые китайские и западные исследователи: 孫東臨，楊三秋. 東方朔年譜簡表. С. 167; 胡春潤. 東方朔生卒靠. С. 73; The Encyclopedia of Taoism. Vol. 1. P. 366.

Перечисление этапов самообразования вызывает в памяти знаменитое высказывание Конфуция из «Лунь юя» (II, 4) [1]:

> Учитель сказал: «В пятнадцать лет мои помыслы обратились к учению. В тридцать лет я закончил свое становление. Когда мне исполнилось сорок лет, я освободился от заблуждений...» [2]

В этом случае получается, что Дунфан Шо приступил к чтению книг на два года раньше, чем сам Учитель, а в пятнадцать лет — когда тот обратил помыслы к учению, уже владел искусством фехтования.

«Документы» («Шу» 書) и «Стихи» («Ши» 詩) — принятые в древности и при Ранней Хань названия конфуцианских канонических книг «Шу цзин» (書經 «Канон истории / документов») и «Ши цзин» (詩經 «Канон поэзии»), соответственно [3]. Теоретики военного дела — Сунь и У, названы совместно единственно [4] в гл. 49 «У чун» (五蟲 «Пять насекомых») «Хань Фэй-цзы»: «Внутри границ [Поднебесной] все говорят о военном деле, в каждой семье есть списки книг Суня и У» (境内皆言兵，藏孫吳之書者家有之) [5]. Для «Хань Фэй-цзы» их отожествляют [6] с полководцами Сунь У (孫武, VI—V вв. до н. э.) и У Ци (吳起, ум. 381 до н. э.). Сочинения обоих — «Бинь фа» (兵法 «Законы военного дела», из 82 глав-*пянь*) и без названия (48 глав-*пянь*), соответственно, занесены в «И вэнь чжи» (отдел «Бин шу люэ») [7]. Зато, кто такой Цзы-лу (子路), не сумел выяснить никто из старых книжников, включая Янь Ши-гу [8]. Юный Дунфан Шо действительно мог читать трактаты по военному искусству авторства обоих Суней. Однако ссылка на вымышленного персонажа позволяет заподозрить, что он всего лишь обыграл высказывание из «Хань Фэй-цзы».

Больше всего интригует число «выученных наизусть слов», тем более что остается неясным, сказано это о количестве слов или о словесном количественном составе прочитанных текстов. Лекси-

---

[1] 論語正義. С. 23.

[2] *Мартынов А. С.* Конфуцианство. Т. 2. С. 217.

[3] Общеизвестно, что иероглиф *цзин* (канон) ввели в их название в начале Поздней Хань вслед за провозглашением конфуцианства государственной идеологической системой империи.

[4] 風俗通義校注. Т. 1. С. 112, примеч. 11.

[5] 韩非子集解 / 王先慎著. С. 347.

[6] The Complete Works of Han Fei Zi 韓非子: A Classic of Chinese Political Science / Tr. From Chinese with Introduction and notes by W. K. Liao. In 2 Vol. London, 1959. Vol. 2. P. 290.

[7] [前]漢書 / 班固撰. Т. 6. С. 1746, 1747.

[8] 風俗通義校注. Т. 1. С. 112, примеч. 13.

ческий фонд древнего книжного языка был очень скудным (по причине специфики иероглифической письменности). Так, в словарь «Шо вэнь» занесены 10 700 иероглифов, 9 353 — основные знаки, остальное — их разнописи [1]. Лексический фонд всех тринадцати канонических конфуцианских книг (в окончательно принятых текстуальных версиях) составляет 6 544 иероглифа [2]. О количественном составе древних (составленных по преданию Конфуцием) версий «Стихов» и «Документов» данных нет. В первой половине Ранней Хань имели хождение несколько их списков, серьезно различающихся по числу книжных свитков (*цзюань*) и глав (*пянь*): для «Ши цзина» — в 22—29 *цзюанях,* для «Шу цзина» — от 20 (29) до 100 (102) *пяней* [3], но их словесный количественный состав нигде не указан. Дошедший до нас текст «Ши цзина» состоит из 30 000 с лишним слов (иероглифов) [4]. Объем древних авторских сочинений обычно указывается (прежде всего в «И вэнь чжи») в «свитках» и «главах». Но они и правда могли состоять из нескольких десятков тысяч иероглифов. Например, в одном из фрагментов «Бе лу» Лю Сяна сообщается, что сочинение Ши Цзяо (尸佼, 390—330 до н. э.) «Ши-цзы» (尸子 «Учитель Ши»); сохранилось во фрагментах) состояло из 60 000 с лишним слов (иероглифов) [5]. Поэтому наиболее вероятна гиперболизация Дунфан Шо своих книжных знаний: либо относительно небольшое преувеличение, учитывая данные о «Ши-цзы» и возможность бытования пространных версий «Шу» и «Ши»; либо же показательно утрированное, если исходить из общего объема лексического фонда древнекитайского книжного языка.

Чи 尺 и *цунь* 寸 — традиционные меры длины, равные приблизительно 30 и 3 см, соответственно, но имевшие заметно разные метрические параметры в различные исторические эпохи. Для эпох Чжоу, империи Цинь и для Ранней Хань *чи* определяют в 9,9 и в 27,56 см, соответственно [6]. Ростом в девять *чи* (ровно и с тем или иным числом *цуней*) наделяются многие архаические, легендарные

---

[1] Духовная культура Китая. Т. 3. С. 734.

[2] *Kern M*. Early Chinese Literature, beginnings through Western Han. P. 3.

[3] Из отечественных изданий подробнее см.: *Алимов И. А*., *Кравцова М. Е*. История китайской классической литературы. Ч. 1. С. 166—167; Чтимая книга: Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй») / Подг. древнекит. текстов, ил., пер., примеч. и предисл. В. М. Майорова; послесл. В. М. Майорова и Л. П. Стеженской. М., 2014. С. 822—857.

[4] *Chow Tse-tsung*. The Early History of the Chinese Word «Shih» (Poetry) // Wen-Lin. Studies in the Chinese Humanities. 1968. Vol. 1. P. 152.

[5] 張舜徽. 《漢書藝文志》通釋. С. 183.

[6] *Сыма Цянь.* Исторические записки. Т. 6. С. 324, примеч. 15.

и древние исторические персонажи, включая Конфуция [1]. Следует помнить, что сведения об их необычной внешности в подавляющем большинстве приведены в апокрифах (*чанвэй* 讖緯), где такого рода аномалии считались внешними знаками их необыкновенных способностей [2]. Однако основной массив апокрифической литературы сформировался уже к концу Поздней Хань, поэтому о степени популярности такого рода представлений во II в. до н. э. судить затруднительно. О росте самого Конфуция дважды сказано в гл. 47 «Кун цзы ши цзя» (孔子世家 «Наследственный дом учителя Куна») «Ши цзи»: он был ростом девять *чи* и шесть *цуней,* и современники называли его «великаном» (*чанжэнь* 長人); он был «от поясницы и ниже короче на три *цуня* Юя» [3]. Юй 禹 — один из самых почитаемых героев национальной древности, главный действующий персонаж «мифа о потопе», спасший Китай от чудовищного наводнения, и основатель легендарной династии Ся 夏, наделялся ростом в девять *чи* и девять *цуней* [4]. То, что Дунфан Шо указывает, что он ниже Конфуция именно на три *цуня*, вряд ли является случайным совпадением.

Словосочетания «висящие жемчужины» (*сюань чжу* 懸珠) и «снизанные раковины (перлы)» (*бянь бэй* 編貝) впоследствии превратились в устойчивые метафоры красивых блестящих глаз и красивых зубов (ровных и тоже блестящих), соответственно [5]. *Бянь бэй* передавало исключительно женскую красоту [6], оба словосочетания слились в крылатое выражение, передающее облик красавицы [7]. *Бянь бэй* возводят к «Хань ши вай чжуань» (韓詩外傳 «Внешний комментарий к "Стихам в передаче /с комментариями [ученого] Хань"», IX, 28) [8], где оно прилагается к женской внешности [1], явно

---

[1] *Рифтин Б. Л.* От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М., 1979. С. 345—346.

[2] *Терехов А. Э.* Представления о совершенномудрых правителях-шэн // Процесс формирования официальной идеологии древнего и имперского Китая / Сост. М. Е. Кравцова. СПб., 2012. С. 163—202.

[3] 史記 / 司馬遷撰. Т. 6. С. 1909, 1921; *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. 6. С. 127, 136.

[4] Представления о его росте зафиксированы в апокрифе, см.: *Рифтин Б. Л.* От мифа к роману. С. 115—116.

[5] Большой китайско-русский словарь. Т. 4. С. 898; Т. 3. С. 235.

[6] 漢語大詞典 / 羅竹風主編. Т. 9. С. 949.

[7] Большой китайско-русский словарь. Т. 4. С. 898.

[8] Данное сочинение приписано книжнику Хань Ину (韓嬰, II в. до н. э.), хранителю одного из древних списков «Ши цзина» («Хань ши чжуань» 韓詩傳, «"Стихи" в передаче / с комментариями [ученого] Хань», впоследствии утрачен): Early Chinese Texts: A Bibliographical Guide / Ed. by Michael Loewe. Berkeley, 1993. P. 125—128.

восходя к примете облика красавицы — «зубы, как тыквенные семечки» (*чи жу ху си* 齒如瓠犀), введенной в песне «Ши цзина» (№ 57) «Шо жэнь» (碩人 «Красавица») [2]. Тогда как словосочетание *сюань чжу* впервые употреблено в «Письме» [3], то бишь является авторским лексическим неологизмом, заставляющим нас вспомнить о сходных фразеологических экспериментах автора «Ци цзянь». Образ великана с прекрасным женским лицом, каким рисует себя Дунфан Шо, имплицитно намекая, к тому же, на свое внешнее сходство с самим Конфуцием, если и не откровенно гротескный, то весьма иронический.

В заключительной фразе «Письма» Дуфан Шо перечисляет четыре своих главные достоинства: «бесстрашен, как Мэн Бэнь (*юн жо Мэн Бэнь* 勇若孟賁), проворен, как Цин-цзи (*цзе жо Бао Шу* 捷若慶忌), честен (бескорыстен), как Бао Шу (*цзянь жо Бао Шу* 廉若鮑叔), верен, как Вэй-шэн (*синь жо Вэй-шэн* 信若尾生)».

По наблюдению Юрия Львовича Кроля (1931—2021), сделанном на материале трактата «Янь те лунь» (鹽鐵論 «Спор о соли и железе») Хуань Куаня (桓寬, I в. до н. э.), смелость Мэн Бэня и проворство Цин-цзи стали в I в. до н. э. литературным клише [4].

Проворство, точнее боевое мастерство, Цин-цзи подтверждает рассказ о нем из «Люй ши чунь цю» (цз. 11, гл. 3). Во время боя Цин-цзи умел уворачиваться от несущихся стрел и отражать удары меча и сбросил в воду внезапно напавшего на него убийцу [5]. Характеристики Мэн Бэня в древних сочинениях заметно различаются. Считается, что впервые он назван в гл. 3 трактата «Мэн-цзы» (孟子 «[Сочинение] Учителя Мэна») конфуцианского мыслителя Мэн Кэ (孟軻, ок. 372—ок. 289 гг. до н. э.). На признание Учителя Мэна: «У меня сердце с сорока лет не содрогается», его собеседник заме-

---

[1] Гл. 9 (§28): 韓詩外傳集釋/ [漢] 韓嬰撰， 許維遹校釋 («Внешний комментарий к "Стихам в передаче /с комментариями [ученого] Хань"»: выверенный текст с толкованиями / Сост. [ханьский] Хань Ин; выверил и толкования Сюй Вэй-юй). Пекин, 1980. С. 332.

[2] 毛詩正義 («"Стихи" в [передаче ученых] Мао» в правильном понимании) // 十三經注疏… Ук. соч. С. 1. С. 259—630; перевод («Ты величава собой»): Ши цзин: Книга песен и гимнов / Пер. с кит. А. Штукина, вступ. ст. Н. Федоренко. М., 1987. С. 59—60. В этой песне, воспевающей одну из древних княгинь, дан первый в истории китайской поэзии развернутый литературный портрет лирической героини.

[3] 漢語大詞典 / 羅竹風主編. Т. 7. С. 777.

[4] *Хуань Куань*. Спор о соли и железе (Янь те лунь). В 2 т. / Пер. с кит., введ., коммент. и прил. Ю. Л. Кроля. М., 2001. Т. 2. С. 615.

[5] 呂氏春秋 / 高誘注. С. 108—109; Люйши чуньцю: Вёсны и осени господина Люя. С. 166—167; The Annals of Lü Buwei. P. 248—249; см. также: *Хуань Куань*. Спор о соли и железе. Т. 2. С. 543—544.

чает: «Тогда [Вы], достопочтенный учитель, намного превзошли Мэн Бэня» (則夫子過孟賁遠矣) [1]. В «Люй ши чунь цю» Мэн Бэнь рисуется удальцом и силачом, но чрезмерно буйного нрава. Краткий отзыв о нем (цз. 4, гл. 5): «У этого Мэн Бэня опасные замашки. Но, если его отправить на границу, он перестанет быть опасным» (перевод Г. А. Ткаченко), дополнен (цз. 14, гл. 8) рассказом о его бесчинстве на пароме при переправе через Хуанхэ [2].

О Бао Шу (鮑叔, он же Бао Шу-я 鮑叔牙) неоднократно говорится в различных главах «Люй ши чунь цю» [3]. Друг Гуань Чжуна (管仲, ум. 645 г. до н. э.) — будущего первого министра царства Ци (Циго), он прощал ему обман при дележе торговых барышей, просчеты в делах и многие другие неудачи, а затем в нужный момент представил князю Хуань-гуну (桓公, на троне 625—643 до н. э.) и содействовал его возвышению. В результате образ Бао Шу стал воплощением человека, умеющего распознавать людей [4]. Но нельзя не принять во внимание его характеристику, данную Гуань Чжуном: «чист, честен, скромен и прям, но тех, кто не таков, как он сам, он не считает за людей; если кто оступился, запомнит это ему на всю жизнь» (цз. 1, гл. 4; пер. Г. А. Ткаченко) [5].

Вэй-шэн (учитель Вэй) — литературный персонаж из гл. 29 знаменитого даосского сочинения «Чжуан-цзы» (莊子 «[Сочинение] Учителя Чжуана») Чжуан Чжоу (莊周, IV—III до н. э.). Он показан человеком, предельно догматически, в ущерб здравому смыслу относящимся к конфуцианским этическим регламентациям, конкретно — верности данному обещанию [6]: «Вэй-шэн условился с девицей встретиться под мостом. Девица не явилась. Вода прибывала, но [Вэй-шэн] не уходил. Обнимая опору моста, умер» (尾生與女子期於梁下。 女子不來、水至不去。抱梁柱而死) [7]. В дальнейшем посту-

---

[1] 孟子正義 / 焦循著 ([Сочинение] Учителя Мэна в правильном понимании / Автор [толкований] Цяо Дунь) // 諸子集成. Т. 1. С. 111; Мэн-цзы / Предисл. Л. Н. Меньшикова; пер. с кит., указ. В. С. Колоколова. СПб., 1999. С. 46—47.

[2] 呂氏春秋 / 高誘注. С. 43, 156—157; Люйши чуньцю: Вёсны и осени господина Люя. С. 107, 215—216; The Annals of Lü Buwei. P. 131, 333—334.

[3] Люйши чуньцю: Вёсны и осени господина Люя. С. 453; The Annals of Lü Buwei. P. 763.

[4] *Хуань Куань*. Спор о соли и железе. Т. 2. С. 299.

[5] 呂氏春秋 / 高誘注. С. 8—9; Люйши чуньцю: Вёсны и осени господина Люя. С. 77—76; The Annals of Lü Buwei. P. 72.

[6] Входит в конфуцианскую этическую категорию «верность» (синь 信): Духовная культура Китая. Т. 1. С. 392—393.

[7] 莊子集釋 / 郭慶藩者 ([Сочинение] Учителя Чжуана с объединенными толкованиями / Автор [толкований] Го Цин-фань) // 諸子集成. Т. 3. С. 431; см. также: Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцы

пок Вэй-шэна считали в лучшем случае «мелочной честностью», которую соблюдают лишь простолюдины и простолюдинки, а для конфуцианских теоретиков он так и остался олицетворением догматика, доведшего до абсурда принцип верности слову [1].

Итак, самохарактеристике Дунфан Шо тоже присуща откровенная ироничность. По словам Бань Гу, У-ди расхохотался, прочитав «Письмо», что дополнительно убеждает в том, что оно является остроумной пародией на официальные документы. Дунфан Шо оперирует в целом такими же, как и автор «Ци цзянь», литературными приемами: от создания фразеологических неологизмов до обыгрывания или нетривиального использования популярных либо стандартных образов. Стилистическое сходство между «Ци цзянь» и «Письмом» косвенно подтверждает как авторство Дунфан Шо первого из них (маловероятно существование двух столь близких по творческой манере литераторов-современников), так и предложенное выше прочтение «Ци цзянь» в качестве пародии на древние чуские строфы.

Заключительные выводы

Дунфан Шо являет собой одну из самых загадочных личностей эпохи Ранняя Хань. Все повествования о нем, включая жизнеописание из «Хань шу», оборачиваются в большей степени литературными произведениями, нежели историческими документами. Весомых причин усомниться в исторической достоверности фигуры Дунфан Шо нет, однако нельзя не признать скудность реальных сведений о его жизни и деятельности, в равной степени «придворного остроумца» и «мага». Если попытаться суммировать сказанное о Дунфан Шо в разобранных источниках, абстрагируясь при этом от легенд и преданий (особенно анекдотического характера) и учитывая его литературное наследие, то вырисовывается следующий биографический сюжет. Дунфан Шо происходил из периферийного региона империи Ранняя Хань, но не восточного (Шаньдун), а скорее — юго-восточного, окраины бывшей территории древнего царства Чу, о чем свидетельствуют его широкие познания в культуре и литературе Чу. Дунфан Шо рано осиротел и усердно занимался самообразованием, став энциклопедически образованным человеком (обилие аллюзий в «Письме»), но в области «классических» книж-

(VI—IV вв. до н. э.) / Вст. ст., пер. и коммент. Л. Д. Позднеевой. М., 1967. С. 297; Чжуан-цзы / Пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. М., 2002. С. 297.

[1] *Хуань Куань*. Спор о соли и железе. Т. 1. С. 349; Т. 2. С. 41.

ных знаний. В столицу он приехал в относительно молодом возрасте и, по-видимому, и вправду привлек к себе внимание ханьского У-ди «Письмом на высочайшее имя». Но войдя в ближайшее окружение монарха, оказался на положении «придворного шута», не заслуживающего быть занесенным в исторические анналы (позиция Сыма Цяня). Незаурядность личности Дунфан Шо, его остроумие, язвительность, смелость поведения, склонность к эпатажу и показная экстравагантность поступков, включая публичное пьянство (Чу Шао-сунь, Бань Гу) вызывали крайне неоднозначное отношение у окружающих (характеристика Лю Сяна, откровенно нелицеприятный портрет в «Ши цзи»). Нарастающий жизненный пессимизм и разочарование в служебной карьере логично привели его к увлечению оккультизмом. Когда и где Дунфан Шо скончался — неизвестно: отсутствие соответствующих сведений в «Дун мин цзи» и в «Хань шу» весьма красноречиво.

Оригинальность личности Дунфан Шо, крушение надежд на жизненный успех и душевные терзания (всё это полнокровно проявляется в его литературных произведениях) вполне могли привлечь к нему особое внимание Бань Гу по аналогии с интересом Сыма Цяня к образу и творчеству Цюй Юаня. А вот причины превращения Дунфан Шо в «мага» и «божество» остаются, на мой взгляд, непонятными.

M. E. Kravtsova.
Some remarks on Dongfang Shuo (second half II—early I century BC) and «Qi jian» poetic work

«Qi jian» (七諫 «Seven Remonstrances») is a relatively obscure poetic work (a cycle of verses, or a seven-part poem) from the «Chu ci zhang ju» (楚辭章句 «Chapter and Verse Commentary to the Verses of Chu») by Wang Yi (王逸, I—II centuries), where it is attributed to Dongfang Shuo 東方朔, one of the courtiers of Emperor Wu (武帝, enthroned 140—86 BC). It varies, like other *chuci* (楚辭 «verses of Chu») texts created during the Former Han era (206 BC—8 AD), motifs typical of the poetry of Qu Yuan 屈原, who is believed to have lived in the Chu 楚 Kingdom (XI—III BC) in the second half of the Zhanguo 戰國 period (V—III BC) and is recognized as the founder of the *chuci* as a definite poetic tradition. However, in the old Chinese humanities and in modern (Chinese and Western) literary criticism, a skeptical attitude towards «Qi

jian» prevails (low artistic level, inexpressiveness of the narrative), and its authorship by Dongfang Shuo is also discussed.

The proposed article consists of two meaningful parts. In the first of them is argued that «Qi jian» is, on the contrary, an original work in concept and artistic embodiment, which gives the impression of a kind of parody of the ancient «verses of Chu», creating an ironic image of Qu Yuan. In the second part, a detailed analysis of accounts, reproducing the image of Dongfang Shuo in both his hypostases of a Taoist magician and a court wit, is undertaken, giving possibility to conclude that he is one of the most mysterious personalities of the Former Han era. All narratives about him turn out to be more literary works than historical documents. Nevertheless, there are enough indications of Dongfang Shuo's increased interest in the cultural and literary heritage of the ancient Chu Kingdom. His own surviving literary (including poetic) works confirm his ability to create in various genres of high artistic literature, his inclination to various kinds of formal and substantive experiments. Especially noteworthy is his «Shang shu» (上書 «A Letter to the Throne»), which can rightly be interpreted as a witty parody of official documents. The fact that Dongfang Shuo operates with the same literary devices as the author of «Qi jian» — from the creation of phraseological neologisms to the play or non-trivial use of popular or standard images, indirectly confirms as his authorship, as the possible parody nature of «Qi jian».